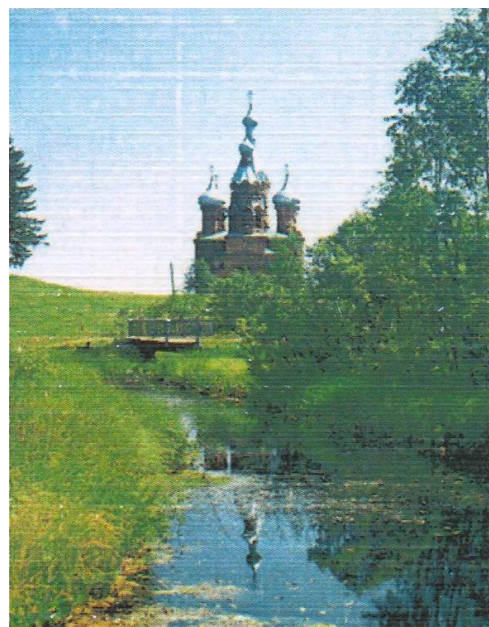

П. А. МАЙДАНЮК

ПЕТР ПРОСКУРИН И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

ТВЕРЬ 2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
Учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

П. А. МАЙДАНЮК

ПЕТР ПРОСКУРИН
И
ТВЕРСКОЙ КРАЙ

ТВЕРЬ 2016

УДК 821.161.1.09+929Проскурин
ББК Ш5(2=411,2)6-4Проскурин П.Л.
М14

Майданюк П. А.

М14 Петр Проскурин и Тверской край. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. - 104 с.

В книгу вошли статьи о произведениях Петра Лукича Проскурина, написанных им на Тверской земле: романы «Седьмая стража», «Число зверя», сборники повестей «Аз воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белых ночей», вторая книга повести «Порог любви».

Издание адресовано студентам и преподавателям филологических факультетов вузов, учителям и широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1.09+929Проскурин
ББК 1115(2=411.2)6-4Проскурин П.Л.

© Майданюк П. А., 2016
© Тверской государственный
университет, 2016

От автора

Последние годы жизни Петра Проскурина были связаны с Тверью. Как говорила в одной из радиопередач на ГТРК «Тверь» его верная самоотверженная жена и помощница Лилиана Рустамовна, «что он сделал за 6–7 лет на Тверской земле, феноменально даже для него, при его работоспособности. Это его дань древней земле, культурные слои которой безмерно глубоки...».

Судьба распорядилась так, что и юность писателя была связана с Тверским краем. Здесь, во Ржеве, в 1952–1953 гг. Проскурин служил в рядах Советской Армии, участвовал в строительстве кольца противоракетной обороны Москвы. В окружной военной газете «Красный воин» в 1953 году был опубликован его первый литературный опыт – поэма о летчиках.

Мало кому известно, что именно на Тверской земле были в основном написаны его остропублицистические, философского склада произведения: романы «Седьмая стража», «Число зверя», сборники повестей «Аз воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белых ночей», вторая книга повести «Порог любви».

Изучением творчества Петра Проскурина я занимаюсь с 1972 года. В то время я жил в Самарканде, учился в аспирантуре, темой моей диссертации было творчество Е. Пермитина. На одном из семинаров в Москве, где я выступал с докладом, в перерыве ко мне подошел один из руководителей семинара – А. С. Бурлаков, беседа с ним сыграла решающую роль в моих дальнейших литературоведческих исследованиях. Он убедил меня в том, что творчество Е. Пермитина уже достаточно изучено, а в советской литературе появилось много имен талантливых молодых писателей, творчество которых достойно глубокого исследования. Петр

Проскурин к тому времени уже опубликовал сборники «Тажная песня», «Цена хлеба», «Роман-газета» начала публикацию «Судьбы», сразу вызвавшей восторженные отзывы критики. «Это будущее нашей литературы», – сказал о Проскурине мой собеседник.

Я вернулся в Самарканд и добился утверждения новой темы диссертационного исследования. Вскоре состоялось личная встреча с Петром Лукичом, это было в 1973 году во время моей очередной поездки в Москву. Встретились мы в типографии им. Жданова, где только что вышел из печати роман «Судьба». Первое впечатление о нем – русский богатырь, высокий, красивый, с открытым добрым лицом.

Петр Проскурин в Бухаре

В дальнейшем оказалось, что этот человек близок мне по духу, по мировоззрению, по взглядам на литературу, по отношению к жизни. Мы скоро стали друзьями, каждая встреча с ним приносила радость общения. Наша дружба продолжалась до последнего дня его жизни. До сих пор во всех подробностях помню наши беседы, мы много говорили о литературе, о жизни. В то время П. Проскурин вместе с Ю. Бондаревым, Е. Исаевым и другими маститыми писателями много ездил по стране. Помню, что уже тогда его волновали проблемы национальных литератур народов Кавказа и Средней Азии. Он высоко оценивал творчество Расула Гамзатова, Фазу Алиевой и огорчался, что в национальных республиках, особенно в глубинке, мало внимания уделяют русскому языку. Он подчеркивал, что талантливые произведения национальных писателей могут получить мировую известность лишь через перевод на русский язык – язык межнационального общения.

О книге «Аз воздам, Господи» Пётр Проскурин говорил следующее: «В ней я размышляю о том, что сейчас происходит с нашим обществом, с нашим народом. В общем-то, оптимизма у меня там мало. Я, не желая что-то предрекать, хочу сказать, что предстоит очень и очень трудный период русской жизни, русского пути. Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придёт только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше и чего попытались его лишить».

С начала 1990-х годов Петр Проскурин подолгу жил в Твери. Не случайно последний роман писателя «Число зверя» с описания истока Волги, которая начинается на Тверской земле и которую он называет песенной колыбелью многих племен и народов земли.

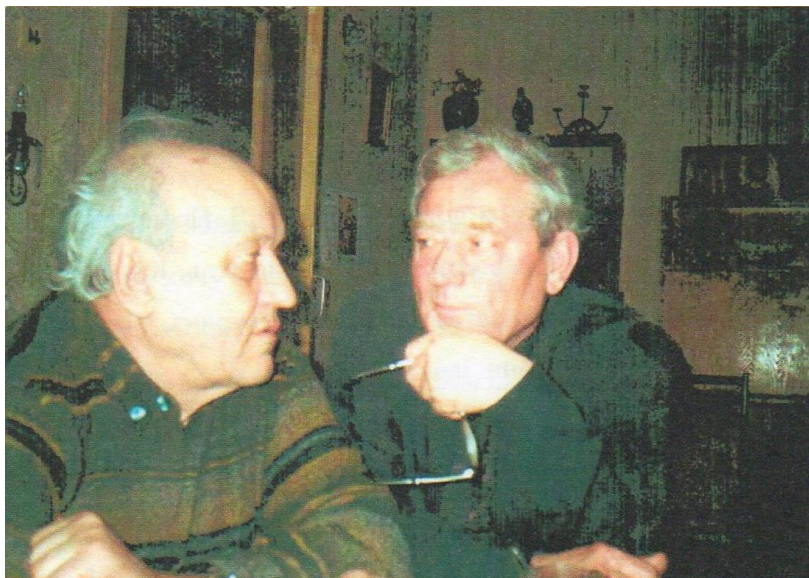
Тверские газеты в перестроечные и постперестроечные годы часто публиковали острую публицистику писателя, интервью, фрагменты из его произведений. Газета «Тверские ведомости» в статье к 10-летию своего возобновления (2000 г.) назвала Петра Проскурина одним из своих постоянных авторов.

В Тверском музее им. М. Е. Салтыкова-Щедрина учрежден фонд Проскурина на основе дарений семьи, это богатейшее собрание всех прижизненных изданий произведений писателя, равного которому нет даже в Российской государственной библиотеке.

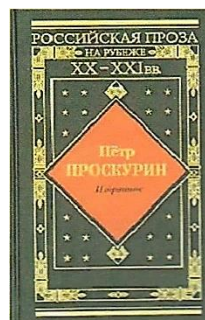
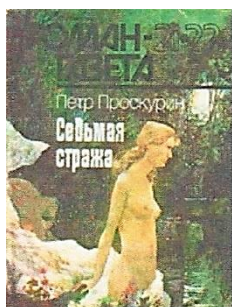
Тверской академический драматический театр один из первых в России инсценировал и поставил роман «Имя твое». Исполнители ролей Захара и Ефросиньи - народные артисты России Александр Чуйков и Наина Хонина – создали в этом спектакле истинно народные, эпические характеры. За постановку «Имя твое» художественный руководитель театра Вера Ефремова получила Государственную премию РСФСР им. Станиславского. Затем был спектакль «За порогом любви» по повести «Черные птицы» – одной из вершин творчества Проскурина.

В 2002 году Тверская городская дума приняла решение об установлении мемориальной доски в честь П. Л. Проскурина на здании по Свободному переулку, в котором жил писатель. Как пишет в своих воспоминаниях вдова писателя Л. Р. Проскурина, «значение этого скромного деяния в жизни нашей семьи и, особенно, Петра трудно переоценить... эти семь лет пришлось на самые черные, самые подлые годы, когда неделями молчал телефон, когда клочущий гражданский темперамент Проскурина оказался невостребованным так же, как и его книги. Оставалась семья, немногие друзья, оставалась работа.... Тверь казалась тогда убежищем, тихой пристанью, здесь можно было укрыться от враждующих стихий, бушующих в столице, и работать...».

В эту книгу вошли написанные в разные годы статьи автора о произведениях Петра Проскурина, созданных им в основном в тверской период творчества.

Петр Проскурин в гостях у автора книги в Твери

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Выдающий русский писатель Петр Лукич Проскурин – Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий СССР и России, общероссийских премий имени Федора Тютчева, Василия Тредиаковского, Льва Толстого, Михаила Шолохова, академик Международной Славянской академии, почетный гражданин двух славных русских городов Орла и Брянска – хорошо известен миллионам читателей как автор трилогии «Судьба», «Имя твое», «Отречение», других романов, повестей и рассказов о русской земле, русском характере. О прошлом, настоящем и будущем нашей великой родины – России.

С поразительным творческим вдохновением освящал он кладезь своего многолетнего художественного подвижничества новыми и новыми целительными для России, для ее народа произведениями – травами жизни, подчас горькими. Один из романов Петра Проскурина так и называется «Горькие травы». В нем древняя старуха по прозвищу Волчиха возвращает к жизни самых обреченных с помощью горьких трав. По народному поверью, только горькие травы целебны. Полагаю, что этот образ стал одним из ключевых в эстетической программе писателя.

Есть у каждого истинного художника свое, выстраданное, заветное, чему он не изменяет на протяжении всего жизненного и творческого пути.

Петр Лукич Проскурин, начиная с конца пятидесятих годов XX столетия повествует своему многомиллионному читателю в России и далеко за ее пределами о лесорубах и сплавщиках Камчатки и Дальнего Востока, сельских тружениках Центральной России, об интеллигенции и рабочих, о рядовых тружениках войны и полководцах, о партизанах и работниках тыла, о космонавтах и государственных деятелях.

По моему глубокому убеждению, Петр Проскурин – художник одной глобальной этической проблемы – судьба и верность. Именно к ней стягивается всенепременно решение многих жизненных и житейских, философских и нравственных вопросов. В русском языке слово «верный» имеет немало значений: достойный полного доверия, неизменно соответствующий, истинный, неустрашимый. Вся гамма их – в многоцветьи полотен Петра Проскурина. Но о чем бы ни писал художник, он верен раз и навсегда избранному принципу говорить правду, беззаветно служить истине.

«Нет слов необязательных, но есть слова, родившиеся как бы с человеком вместе... Они неотъемлемая часть его существа, его души. Одни из них родились в немыслимо необозримых далях, другие подарила нам уже история нашего народа. Но и те, и другие знаменуют в нас, детях своей земли, своей Отчизны, суть того самого светлого, дорогого и возвышенного, того вечного, что и определяет в нас степень именно человеческого, что всегда с нами, как самое верное и надежное оружие, как защита и надежда в пути...»

Эти слова Петра Проскурина можно с полным основанием отнести к нему самому, ко всему его творчеству, тесно связанному с родной Брянщиной, с широко распластавшимися просторами русской равнины. Он принадлежит к тому поколению россиян, чье детство опалила война. Потом работа в колхозе, служба в армии, далекий камчатский леспромхоз, сплав на реке Камчатке. Позднее эти «университеты» войдут отстоявшимися пластами в его романы, повести, рассказы.

Но будет это потом, потом. А пока темноволосый деревенский парень жадно вглядывается в жизнь, в кипение характеров, в суровую и незнакомую природу Дальнего Востока. Там в 1959 году был напечатан его первый рассказ – «Цена хлеба», написан и опубликован в Хабаровском книжном издательстве первый роман – «Глубокие раны», Принесший первую известность, первый опыт профессионального писательского труда.

А затем был второй роман - «Корни обнажаются в бурю» – о духовном формировании молодого поколения. И здесь та же тема, та же проблема владеют писателем: активное, целеустремленное вмешательство в жизнь.

Острота событий, напряженность ситуаций характеризуют ранние романы. И все-таки это были поиски своего собственного писательского слова. Таким же «поисковым» стал роман «Камень сердолик». Главного героя романа, художника Антона Савичева, прошедшего войну и тяжело раненного у Бранденбургских ворот, волнует не собственная участь, а судьба русского народа, сполна испившего из чаши лихолетья.

Роман «Горькие травы» – широкое многоплановое полотно о первом послевоенном десятилетии. Петр Проскурин продолжает свою ключевую тему, показывая судьбы многих людей, вернувшихся к мирному труду, нравственно окрепших, прошедших через горнило войны.

Один за другим выходят романы, сборники повестей и рассказов писателя. Причем каждая из книг - не просто еще одна книга, это еще и новая качественная ступень в творчестве художника. И вели эти ступени к эпическим высотам, покорением которых явилась могущественная трилогия «Судьба» (1972), «Имя твое» (1977), «Отречение» (1987), не имеющая аналогов в современной русской литературе. Действие в ней разворачиваются на скрещении исторических, социальных, национальных координат. Перед читателем предстает сложная драматическая картина жизни страны на протяжении нескольких десятилетий. Герои Проскурина - люди щедрой и открытой души – борются со всем, что мешает утверждению честного и дорогого на земле. Писателю посчастливилось создать такой характер, как Захар Дерюгин – символ стойкости, негибкости, неисчерпаемости народной души.

В одной из наших бесед Петр Лукич так объяснял это: «Образ героя рождается в душе, как в поле из зерна вырастает полноценный колос. Поле – ведь это душа писателя, и она, разумеется, должна соответствовать герою, питать его своими соками».

Воистину – лучше не скажешь. Захар Дерюгин – один из самых, если не сказать больше, совершенных художественных образов современной отечественной литературы.

В его натуре, мятежной, неуёмной и страстной, и таится один из источников человеческой драмы. Но вместе с тем и судьба, выпавшая на его долю, – это отражение внутреннего драматизма, а порой и трагизма самой жизни. Именно ему доверено выражение глубинных идей трилогии: человек и земля, власть и народ, личность и государство. Таким образом, художественное повествование входит в русло значительной эпико-философской традиции с ее вечными и всегда острыми вопросами современности, думами и размышлениями.

Это следовало бы особо подчеркнуть, так как в последнее время заметен некий перекося, болезненный надрыв в изображении далекого и не столь далекого прошлого. Вот здесь-то трилогия Петра Проскурина представляется той лодией, по которой выверяется ход народной истории.

Дочитана последняя страница трилогии. Бросая прощальный взгляд на сложную архитектуру романов ее составляющих, мы вправе задуматься над тем, сколь плодотворно приобщение художника к народной жизни, к судьбе народной, к великим и малым событиям народной жизни. В чем же значение этого эпического полотна, где его место в отечественном литературном движении?

Общенациональность поставленных в романе проблем, многоплановое исследование центральных противоречий и закономерностей эпохи; верность правде жизни – вот одно из главных достоинств монументального романа-эпопеи. Кинематографические полотна «Любовь земная» и «Судьба» по романам трилогии пользовались и по сей день пользуются

признанием и любовью, благодаря чему его слово, воплощенное в кинообразах, пришло в каждый дом. Стало желанным и дорогим для миллионов соотечественников.

Конечно же, ни в коей мере не следует думать, что в прежних своих произведениях Проскурин был «бытописателем», а затем явился в новом, эпическом качестве. Читатели его прежних произведений ценили в нем прежде всего пристальное внимание к важнейшим вопросам бытия, его раздумья о смысле добра и зла. Проза Петра Проскурина всегда была щедро на глубокие психологические детали и наблюдения. Здесь же нужно особо отметить, что он тонкий лирик. Мягкой задушевностью окрашены страницы описаний поэтической русской природы, природы средней полосы России. Гимн стойкости и жертвенности русской женщины звучит в произведениях Проскурина, его можно смело поставить в первые ряды глубоких знатоков женской души.

Петр Проскурин, как все большие художники, верит в самоценное значение искусства слова, способное добывать новое знание, но не иллюстрировать ставшие общим местом тезисы. Подтверждение этому — его творчество на рубеже 1970–1980-х годов: цикл романтических повестей и острая философско-публицистическая книга, автобиографический роман «Порог любви».

«Порог любви» (роман встреч и дорог) создавался Проскуриным на самой вершине писательского успеха. Серия эпических романов – «Горькие травы», «Исход», «Судьба», «Имя твое» – обрела воистину всенародное признание. Критика в один голос предрекала появление заключительного романа в трилогии о Захаре Дерюгине... Но что-то удерживало художника от последнего мазка в развернутой панораме.

Иные образы и картины взволновали его, Петра Проскурина, воображение. Появляются три повести: «В старых ракетах», «Полуденные сны», «Черные птицы». Последняя, на мой взгляд, одна из лучших в творчестве писателя. В ней он остается верен себе, в этом основа его гуманизма – неустанно давать бой лжи, несправедливости, двоедушию.

В «Пороге любви» открыто и бескомпромиссно воплотилось служение писателя своим идеалам и верованиям. О них известный поэт Валентин Сорокин говорит следующее: «Я не смогу назвать более русского писателя из поколения Проскурина, его судьба, как великая книга Библия, вся подчинена одному замыслу и единому смыслу – построению неуничтожимого храма в человеке, озвученного преклоненной молитвой человека перед Богом, перед вселенской истиной Христа, омытой слезами страданий, очищенной огнем ран и вешим светом скорби. Петр Проскурин религиозен высшей мукой религиозности: «Зачем, зачем, Господи, я, мучаясь нищетой и ложью мира сего, грехами и кровью подданных твоих?..»

В романе «Порог любви», как в названных повестях, писатель высветил грозные черты нараставшего к тому времени общественного неустройства, разрыва между словом и делом, засилье потребительской психологии (в том числе в литературе и искусстве), красноречия, казнокрадства, грозящими застоєм и спячкой, застойностью, социальной коррозией. Петр Проскурин сознательно пошел путем ужесточения правды, какой бы горькой она ни была.

Писатель многократно подтверждает и утверждает необходимость бескорыстного служения обществу, обязанность отвечать не только за свои собственные деяния поступки, но, если понадобится, за всю земную цивилизацию. Не боясь жестоко и безжалостно ставить перед каждым из нас наше же духовное отражение, не скрывая ни уродств, ни излишеств, но и не умаляя свершений, радуясь по их поводу настоящей и чистой радостью, автор романа «Порог любви» дает урок государственного мышления.

Последняя фраза – скрытая цитата из «Порога любви», где разъясняется творческий метод Леонида Леонова, целиком и полностью, в чем я глубоко убежден, относится и к методу

художественных доказательств самого Проскурина. Горькие слова произносит он у порога любви к нам, к России, к человечеству, но лишь такая любовь животворит. Размышляет ли он о России, «одной из самых непостижимых в истории человечества стран, где очередная трагедия всякий раз как бы становится двигателем ее истории», или об опасности нашествия космополитической «массовой культуры», опасности, уже обращающейся в бедствие, или о памяти человеческой как ценности исторической и постоянной, живой воде духовности, или о собственных ошибках и прозрениях, – везде чувствуется ужесточение правды.

Последние годы жизни и творчества Петра Проскурина связаны с Тверью. Как признается его верная самоотверженная жена и помощница, его земной ангел-хранитель Лилиана Рустамовна, «...то, что он сделал за 6-7 лет на тверской земле, феноменально даже для него, при его работоспособности. Это его дань древней земле, культурные слои которой безмерно глубоки. Эти годы – его «Болдинская осень». Совершенно неслучайно, что Тверь первая, раньше всех увековечила память о Петре Проскурине.

На доме, где жил и работал Петр Лукич Проскурин, установлена мемориальная доска. Хотелось бы отметить здесь, что главная заслуга в этом принадлежит Юрию Михайловичу Краснову, вице-губернатору Тверской области.

Да, действительно за эти годы в Твери Петр Проскурин совершил мощный творческий прорыв. Одна за другой выходят его книги: роман «Седьмая стража» (2-я книга), роман «Порог любви» и роман «Число зверя», сборники повестей и рассказов: «Аз воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белых ночей».

В каждой из них видится ужесточение правды, о которой говорилось выше. Чего стоит диалог «талантливой и всенародной» Евдокии Савельевны с вором в законе Сергеем Романовичем («Однажды в сумерках»): «Ты же умная, матушка, знаешь, что не я вор, а те, наверху, которых ты своими песенками ублажаешь. Они-то и есть настоящие бандюги, всю Россию по винтикам растащили, распродали... мы сейчас с этими верхами накрепко сшиты, а там мы еще посмотрим, кому окончательно власть вручить. Может, себе оставим. Знаешь, сколько наших людей на самые верхние высоты выбились, если сказать тебе – дух захватит. Только вот Бог-то на земле один, и для вас и для них, его-то как поделить?»

Или непримиримый спор советского романтика, писателя Родиона Толубьева с преуспевающим «новым русским» Никитиным: «Сознайтесь, Родион Афанасьевич, ваш прекраснодушный и романтический мир рассыпался, исчез. Россия теперь другая, теперь главное в России – деньги. Это и сила, и власть...

– Ошибаетесь, господин Никитин! – покачал головой Толубьев. – Россия, прежде всего – Бог, а сейчас она в глубоком помрачении. Это, поверьте, обязательно пройдет. Вы слишком много на себя берете. Не нами было сказано: «Аз воздам!» - Так было, так будет всегда: «Аз воздам!» Ну а если все повернется по-вашему, то это будет уже не Россия, нечто иное.» («Аз воздам, Господи»).

Особо стоит в этом ряду роман «Число зверя». Книга подводит итог всем предыдущим произведениям Проскурина: та же тема, тема нашей русской жизни, та же боль автора, та же безутешная задача – почему и зачем разрушен великий национальный мир огромного и знаменитого народа на земле?..

И тот же неудержимый и беспощадный проскуринский ум: я знаю, кто вы, я вижу ваши преступления, я вам говорю о них громко и независимо! Роман «Число зверя» незыблем: весь материал, дела и судьбы героев, все содержание книги – из уст, страданий и памяти народной. Народ не хуже литераторов понимал хроническое искажение программ и свершений, продажность и оторванность лидеров от истины и подлинности государственных потребностей и забот.

Петр Проскурин, оглядываясь на пройденный путь, как бы вместе с нами, с народом, родным и ограбленным, уничтоженным и оскорбленным, сквозь надвинувшуюся на нас дрему национального горя ведет рассказ и показ: вот они, измучившиеся в кабинетах Кремля и на трибуне Мавзолея ленинцы.

Главные герои романа – правители империи, клонящейся к катастрофе. Брежнев, Андропов, Суслов и другие выступают на освещенную сцену из смутной мглы, которая окутывает их и по сию пору. Это взгляд русского человека на советский период истории России. Тон повествования эпичен, романист видит перед собой, со всеми их страстями и пороками, руководителей реальной сверхдержавы.

Об этом романе Юрий Бондарев сказал так: «Роман “Число зверя” – это самый настоящий мировой шедевр. Шедевр среди других выдающихся романов Проскурина. Так как для того, чтобы проникнуть в психологию столь разных людей общества, надобно иметь не только талант, но еще нечто высшее... и все это потому, что правду и истину он искал в себе... и находил ее. Такой роман мог написать только Проскурин».

Запомнились слова Юрия Евгеньевича Лодкина, бывшего губернатора Брянской области, при прощании с писателем: «У каждого человека есть своя малая родина. Именно ею была для Проскурина Брянская земля – земля Александра Пересвета, земля Алексея Константиновича Толстого, земля Федора Ивановича Тютчева. В этом ряду стоял и Проскурин.

Но мы не можем сказать о Петре Лукиче Проскурине, что он брянский писатель, такое понятие должно быть просто исключено.

Это великий писатель земли русской, русский писатель – он принадлежит всей России и всему миру».

Будем же благодарны земле русской, которая породила и взрастила верного сына своего, сеятеля и охранителя, имя которому – Петр Лукич Проскурин.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СБОРНИКЕ ПРОЗЫ ПЕТРА ПРОСКУРИНА «АЗ ВОЗДАМ, ГОСПОДИ»

Что происходит с русским народом, с Россией, а главное, что такое народ? Этот вопрос денно и нощно преследует писателя Петра Проскурина, пронизывает его прозу конца XX века. Подтверждение этому – сборник прозы «Аз водам, Господи». Открывает сборник повесть, давшая ему название, но о повести – ниже. За ней следует рассказ «Однажды в сумерках». «Вечер, свежий, с легким бодрящим морозцем, с высоким, в ярких звездах, небом и особой, убаюкивающей подмосковной тишиной» навевают героине рассказа Евдокии Савельевне самые игривые, затаенные и самые грустные мотивы далекого и недалекого прошлого: «...сердце сладко замрет, вспоминая робкий и прерывистый шепот, и взволнованное дыхание, и прикосновение, казалось бы, забытых рук...»

Подспудно героиня предчувствует («чутье ей подсказывало»), что этот вечер обязательно преподнесет ей какой-нибудь сюрприз. В ее предположениях, «преподнесет его по-озорному весело, как это случается в счастливые моменты жизни; сюрприз почти фантастический, когда в твою, досель устоявшуюся и уверенную жизнь прорывается нечто фатальное, и все переворачивается вверх дном».

Евдокия Савельевна – известная всей стране певица, только что удостоенная самого высокого звания, на своей известной всему аристократическому Подмоскovie даче «с просторным концертным залом, с лифтом на второй и третий этажи и с теплым гаражом на два десятка машин» ждет приезда одного из самых влиятельных в государстве лиц,

«партийного козла, мгновенно перескочившего из коммунистов в демократы» с его любовницей – «аристократкой-актрисой Дубовицкой». Она тщательно готовится к предстоящему приему, обряжая все подходящие для того части тела золотом и драгоценностями. Совершая предпраздничную прогулку невдалеке от дачи-дворца, окруженного к приезду важного гостя многочисленной охраной, Евдокия Савельевна неожиданно становится свидетельницей «сюрприза, почти фантастического, фатального», но вовсе не того, что грезился ей несколько минут назад.

Происходит не «фантастическое» и не «фатальное», а ставшее вполне заурядным в нашем государстве действие. Проникший сквозь «плотные заставы охранников-профессионалов» вор-рецидивист, угрожая ножом, «просит» ее сложить все свои драгоценности в предупредительно раскрытый саквояж: «Возьми, возьми, сдерни с себя все цацки и аккуратненько, слышь, ничего не оброни в снежок... аккуратненько сложи в саквояжик...»

Ничего неординарного, казалось бы, не происходит. Повседневная реальная действительность, которой уже никто не удивляется.

Далее П. Проскурин устами Сергея Романовича (вора) выносит свой приговор этой действительности, высвечивая причины и виновников явления, имя которому – Беспредел социальной чумы, свидетелями которой мы были в 1990-е годы.

«Ну что ты заходишься, тетя Дуня, – стал сердечно утешать ее ночной приятель, явно донельзя довольный происходящим. – Ты себе еще по десять раз столько напоешь, наплачешь за месяц-другой, а мне где взять? Сама подумай, мне тоже жить хочется – ты же видишь, совсем еще молодой. Не жалею, всенародная наша, все на этом свете прах и суета...»

Многое мы слышим о том, что видели в нашей непонятной (непонятной ли?) повседневности того времени в диалоге «талантливой и всенародной» Евдокии Савельевны с вором в законе Сергеем Романовичем. В его словах звучит то, что делает рассказ остропублицистическим: «... Ты же умная, матушка, знаешь, что не я вор, а те, наверху, которых ты своими песенками ублажаешь. Они-то и есть настоящие бандюги, всю Россию по винтикам растащили, распродали... Мы сейчас с этими верхами накрепко сшиты, а там мы еще посмотрим, кому окончательно власть вручить. Может, себе оставим. Знаешь, сколько наших людей на самые верхние высоты выбились, если сказать тебе – дух захватит. Только вот Бог-то на земле один, и для вас, и для них, как его поделить?»

Рассказ «Свидание с собой» заставляет задуматься о действительности 1990-х с ее «свинцовыми мерзостями». Прошедший Афган и Чечню боевой офицер Гоша видит их на каждом шагу в родном городе – столице некогда великой России. Видит он первопрестольную в зазывных рекламах чуждых России казино и иных вертепов. Видит он и «зримые плоды демократии» – однорукого мальчика (он имитирует свое убожество), сидящего в подземном переходе на грязной подстилке.

И Гоша принимает бескомпромиссное решение стать покровителем мальчика, которого эксплуатирует, как крепостного, мафиозный жлоб.

Концовкой рассказа П. Проскурин дает ясный и недвусмысленный прогноз. Увидеть Россию, поруганную сейчас ее недругами, державной, единой, непобедимой, доведется если не Гоше, то нищенке Ваньке, который бросился убивать мафиозного крепостника, когда тот схватился в смертельном поединке с его покровителем: «Я не маленький! Вы меня еще не знаете... да!»

Тема искусства и его служителей, мнимых и истинных, была главной в романе П. Проскурина «Камень сердолик» и повести «Черные птицы». Здесь, в рассказе «Дружеский ужин», эти «черные птицы» беды, которые могут накрыть зловещим крылом не только

прошлое, но и настоящее и будущее подлинного искусства, предстают в личинах Павла Ветлугина и Исае Каменева-Пегего. Первый – преуспевающий кинорежиссер. Президент и глава целого ряда престижных художественных и киношных фондов и ассоциаций. Его предельно экспрессивно характеризует собрат по «демократическому» искусству: «Это вашей семейке всегда было наплевать, кому служить! Вечные постельничии при власти. Пришли большевики – служили им, теперь они перекрасились в демократов – опять им служите! Лишь бы платили, не скупясь!»

Талантливый, писавший когда-то симфонии и сонаты композитор самоубийством на «дружеском ужине» выносит приговор себе, ветлугиным, «свободному искусству» и самой «демократии», породившей хаос и растление душ: «Проклятое, ублюдочное искусство! Мясо, мясо, горы бездуховного мяса! Куда все подевалось? Куда сгинуло? Где она, соль земли, соль Отечества?»

Повесть «Аз воздам, Господи» являет собой средоточие мысли и духа всей книги (в нее входят три повести и шесть рассказов).

Будучи талантливым и совестливым писателем, искренне любящим Россию, главный герой повести Тулубьев не приемлет все то, что творят ее сокрушители и растлители. Поэт Валентин Сорокин, характеризуя Россию 1990-х, сказал: «Сейчас Россия попала в жернова между двумя цивилизациями – Востока и Запада. Ее медленно-медленно перемалывают. Перемалывают страну, оплодотворившую своими социальными достижениями весь мир. Благодаря нам Запад, может быть, отсрочил свою гибель. <...> Расчеты Запада – перемолоть Россию – сегодня очень близки к осуществлению. Тем более что политика наших «верхов» этому способствует. Последняя опора государственности – армия – разрушена, держать целостность некому... И что меня поражает – в России еще не судили ни одного преступника, организовавшего и проводшего свирепый геноцид против русского народа».

В повести «Аз воздам, Господи» уже первые строки навевают атмосферу напряженности, безысходности и мрака: «Над Москвой, бессонной и беззащитной, пластались низкие осенние тучи, то и дело высыпая на первопрестольную ледяные пронизывающие потоки. Вспыхивали рекламы прославленных международных картелей и фирм, клешнясто, как бы навечно впаявшихся в московское небо. Громоздясь на своем балконе на двенадцатом этаже, Тулубьев вновь и вновь оглядывал распластавшийся перед ним, все более отторгавшийся от его сердца город».

Талантливый и совестливый писатель Тулубьев, искренне любящий Россию, не приемлет того, что творят ее сокрушители. Сосед по подъезду, преуспевающий «нувориш», опасается «тлетворного» влияния Тулубьева на своего единственного, смертельно больного сына. В повести «Аз воздам, Господи» Проскурин сводит в диалоге людей, сущность которых можно определить как «небо» и «земля». «Сознайтесь, Родион Афанасьевич, – пытается убедить «новый русский» Тулубьева, – ваш прекраснодушный и романтический мир рассыпался, исчез. Россия теперь другая, теперь главное в России – деньги. Это и сила, и власть...

– Ошибаетесь, господин Никитин! – покачал головой Тулубьев. Россия прежде всего – Бог, а сейчас она в глубоком помрачении. Это, поверьте, обязательно пройдет. Вы слишком много на себя берете. Не нами было сказано: «Аз воздам!»... Так было, так будет всегда: «Аз воздам!» Ну а если все повернется по-вашему, то это будет уже не Россия, нечто иное».

Не отягощая себя даже проблеском мысли о Суде Господнем, он заказывает убийство писателя-патриота. Трагичность ситуации усиливается тем, что убийство Тулубьева совершается в тот самый момент, когда он узнает о свершении своей самой сокровенной мечты – рождении внука.

Трудно и больно воспринимать это читателю. Но это правда жизни и боль писателя.

Об этой своей книге Петр Проскурин сказал мне в одной из бесед: «В ней я размышляю, что сейчас происходит с русским народом, с нашим обществом. В общем-то, оптимизма там у меня мало. Я, не желая что-то предрекать, хочу сказать, что предстоит очень и очень трудный период жизни, русского пути. Спасение придет только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше и чего его пытаются лишить».

УРОК ГОСУДАРСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

(публицистические аспекты в автобиографическом романе
Петра Проскурина «Порог любви»)

Петр Проскурин, как все большие художники, верил в самоценное значение искусства слова, способное выдавать, но не иллюстрировать ставшие общим местом тезисы. Подтверждение этому – его творчество на рубеже 80-х – 90-х годов: цикл рассказов и повестей, а также острая философско-публицистическая книга – автобиографический роман «Порог любви».

Примечательно, что последние восемь лет жизни Петр Лукич Проскурин жил в Твери. В одной из наших бесед он признавался: «В Твери мне работается хорошо. Потому что телефон здесь не звонит, никто не знает, где я, что я делаю. Я располагаю своим временем, своими мыслями. Нет посторонних вмешательств в процесс. А это главное. Когда работаешь над какой-то большой вещью, необходимо уединиться хотя бы для того, чтобы построить каркас его здания, не отрываясь». И добавлял всегда: «В Твери дело подвигается лучше. А в Москве сейчас писать не могу – шумно, тревожно, грустно». В «Пороге любви» Проскурин с горечью описывает Москву 90-х годов, истерию жажды быстрой наживы, охватившую страну: «Все торгуют, жажда денег огромна, всемогуща; она управляет толпой, движет каждым ее мускулом, каждым трепетом нерва. Деньги, деньги, деньги! Злата, злата, злата! Сей вожделенный стон навис над Москвой, над новой, теперь уже капиталистической, Россией. <...> Хоть обглоданная кость, но моя, все мое, на всем моя мета, мое несмываемое клеймо собственника – на Кремле, на Боге, на душе ребенка. Безумие собственности волнует, будоражит кровь, заставляет раздуваться ноздри»¹. И именно в Твери в те годы писатель испытывал редкие минуты покоя и умиротворения, радовался незамысловатым проявлениям жизни, и тогда в его книге появлялись лирические зарисовки: «На березе за окном две галки и россыпь воробьев. Кот Тихон сидит на подоконнике и щелкает на них зубами, издает какие-то особые урчащие звуки. Завтра Рождество» (42). Болдинской осенью писателя называет эти годы его земной ангел-хранитель Лилиана Рустамовна Проскурина.

Здесь, в нашем городе, в скромной квартире многоэтажного дома, что у цирка, за восемь лет были написаны романы «Седьмая стража» и «Число зверя», сборники повестей «Огненный ангел», «Аз воздам, Господи», «Мужчины белых ночей». При открытии мемориальной доски на этом доме выдающийся писатель Юрий Васильевич Бондарев так сказал о романе «Число зверя»: «Это гениальное произведение, написать которое мог только Проскурин».

Здесь же была написана вторая книга биографического романа «Порог любви», опубликованная в журнале московских писателей и литературного института «Московский вестник».

¹ Проскурин П. Порог любви. Автобиографический роман дорог и встреч // Московский вестник. – 2004. – № 6. – С. 33-34. Далее цитируется по указанному изданию с указанием страниц в скобках.

Роман этот в творчестве писателя стоит особняком. Написан он в форме исповедального эссе и сочетает в себе развернутую автобиографию, прерываемую монологами-зарисовками о впечатлениях «на дороге жизни».

Петр Лукич от природы был мягким, добрым человеком с восторженной по-юношески и ранимой душой. Однако к предательству он был непримирим, тем не менее никогда не унижался до мести и истерических проклятий в адрес тех, кто из его друзей превратился в противников. В его уме и душе постоянно шла напряженная работа, которая была абсолютно несовместима с дежурным краснобайством.

Именно поэтому, в отличие от своих даже некогда весьма уважаемы и маститых коллег, проживающих ныне остатки нажитого профессионального мастерства, остановившихся на точке развития в свои лучшие годы – лет пятнадцать-двадцать назад, он в последние годы совершил колоссальный творческий прорыв.

Если в прежних произведениях он зарекомендовал себя глубоким психологом-реалистом, тончайшим певцом родной земли, художником каждое слово которого словно точный мазок кисти, то в своих последних произведениях он предстает перед читателем мастером, овладевшим секретами трагисатирического письма, близкого к творчеству Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Об этом убедительно свидетельствуют зарисовки романа «Порог любви»: «Наблюдал интересную сценку. Напротив Колонного зала Дома Союзов на противоположной стороне улицы стоит инвалид на одной ноге. Очевидно, приезжий, крестьянин: протез деревянный, самодельный, одежда грубая. А из Колонного зала выходят идеально одетые особи в черных костюмах и белых плостронах. Люди все солидные, ухоженные, благоухающие дорогим одеколоном; инвалид на одной ноге и на деревяшке, твердо упершись ее истертым тупым концом в асфальт, очень внимательно их разглядывал. Интересно, что он в это время думал?» (59)

Или другая зарисовка, показывающая анекдотичность ситуаций, в которые порой простого человека ставит жизнь: «Выхожу из автобуса и прямо перед собой вижу молодое лицо восточного типа, глаза черные, волосы тоже, встрепаны, стоят чуть ли не дыбом.

– Чепуха, – говорит он возбужденно. – Форменная чепуха, – продолжает он, глядя на меня и почему-то обращаясь именно ко мне, хотя я твердо знаю, что вижу его в первый раз в жизни. – Говорят, секс от разных юбок, коротеньких, совсем никаких, от книжек развратных идет – ерунда! Секс начинается здесь, в транспорте! В автобусах, в метро, в троллейбусах. Понимаешь, ко мне все прижимаются: женщины, девочки, мужчины! Я не могу, я возбуждаюсь! Это невыносимо, я не могу ездить в общественном транспорте!

– А такси? – невинно спрашиваю я.

– На такси у меня нет денег! – негодуя кричит он, уходя, но, однако, еще раз оборачивается. – Я же не деревянный, – опять кричит он. – А денег нет на твое такси!» (127).

Литература – зеркало жизни, однако она организуется несколько иначе, чем сама жизнь. В творчестве важнейшую роль играет талант художника, его мировосприятие. И здесь в первую очередь надо сказать о публицистике, которая давно ведет у нас глубинный поиск. Есть здесь и свои взлеты, и свои провалы. Но неизменно наша проза вновь и вновь пыталась и пытается понять и осмыслить происходящее с народом, с землей, с человеком. И здесь уместно назвать произведения, сразу привлечшие к себе пристальное общественное внимание, вызвавшие дискуссии. Почти одновременно опубликовались «Игра» Ю. Бондарева, «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Все впереди» В. Белова...

Служение писателя своим идеалам и верованиям открыто и бескомпромиссно в полной мере воплотилось в автобиографическом романе «Порог любви». Здесь П. Проскурин высветил грозные черты нараставшего к тому времени общественного неустройства: разрыва

между словом и делом, засилья потребительской психологии (в том числе в литературе и искусстве), краснбайства, казнокрадства, грозными застоём и спячкой, заостенелостью, социальной коррозией. Однако вера в духовные силы русского народа, в его способность к возрождению не покидает писателя, поэтому он яростно спорит с Виктором Астафьевым, который в одном из своих выступлений отказал русскому народу в праве на будущее: «...Виктор Астафьев, один ярких прозаиков второй половины XX века ... откровенно заявил, что русского народа вообще-то больше нет, и, следовательно, нечего всякому быдлу и пьяни мутить чистую воду и выходить на площади – мало, мол, его, этот народ, угощали дубинками и коваными сапогами власть предержащие! Что это? Бред, старческий маразм или всего лишь тусклый блеск серебреников? А ведь история ничего не спишет, ни одного неосторожного запальчивого слова! ... Ах, господин Астафьев, господин Астафьев! Вы даже не подозревали, что за блистающий ряд зачинаете собой, какую смелость вкладываете в души ненавистников русского народа» (59).

Петр Проскурин сознательно пошел путем ужесточения правды какой бы горькой она ни была. Запись от 30.05.1993 г.: «Вакханалия продолжается, лютует телевидение, его задача – патриотизм подменить нигилизмом, нравственность – вседозволенностью, честь – подлостью, созидание – торгашеством, Бога – сатаной, мужчину – женщиной и наоборот, заставить дерево расти корнями в небо» (39).

Писатель-гражданин, патриот многократно подтверждает и утверждает необходимость бескорыстного служения обществу, обязанность отвечать не только за свои собственные деяния и поступки, но, если понадобится, за всю земную цивилизацию. Не боясь жестко и безжалостно ставить перед каждым из нас наше духовное отражение, не скрывая ни уродств, ни излишеств, но и не умаляя свершений. Радуюсь по их поводу настоящей и чистой радостью, автор романа дает нам урок государственного мышления. Последняя фраза – скрытая цитата из «Порога любви», где разъясняется творческий метод Леонида Леонова. Я бы целиком и полностью отнес эти слова и к методу художественных доказательств самого Петра Лукича Проскурина: «На страницах книг Леонида Леонова бьют источники живой воды, необходимой не только для омовения младенцев и закончивших свои земные пути, она, главное, необходима тем, кто в расцвете сил и страстей борется в солдатском поту за жизнь, за ее преобразование, за человеческое в человеке; живая вода необходима борцам, они устают в своих борениях и жаждут» (38).

Горькие слова произносит он у порога любви к нам: к России, к человечеству, но лишь такая любовь животворит. Размышляет ли он о России, «одной из самых непостижимых в истории человечества стран, где очередная трагедия всякий раз как бы становится двигателем ее истории», или об опасности нашествия космополитической «массовой» культуры – опасности, уже превращающейся в бедствие. Или о памяти человеческой как о ценности исторической и постоянной, живой воде духовности, или о собственных ошибках и прозрениях – везде чувствуется ужесточение правды.

Это ли не ультрасовременная, жгучая, сегодняшняя, остропублицистическая проза? Подобно сказочному русскому богатырю, помыслами и творчеством отстаивает писатель в романе «Порог любви» чистоту и святость России, народа ее, следуя им же сформулированному кредо:

Дай мне, Творец, у края стать
с прощающей себя улыбкой.
И помоги не признавать
Всего прошедшего ошибкой.
Дай первородной тьме в глаза

Взглянуть хотя бы на мгновенье.
Дай слабости не показать
Перед лицом исчезновенья.
Дай мне до самого конца,
Единоборствуя с собою,
Остаться с факелом гонца,
Горящим над кромешной мглою...

За внешней событийностью почти дневниковых записей ощущается богатый внутренний мир автора, его бесценный исторический опыт. Роман «Порог любви» написан по праву памяти, которая сохраняет в себе людей – добрых и злых, отзывчивых и черствых, смешных и нелепых, умных и глупых; и события жизни, в которых причудливо перемешивается комическое и трагическое, повседневное и вечное, судьбоносное и мимолетное. Этот сплав пережитого автором поступает из «личного архива» П. Проскурина в «личный архив» читателя, формируя его отношение к реальности. Иногда воспоминания и размышления автора незаметно вступают в диалог с личными воспоминаниями читателя, и тогда создается эффект общности переживания.

Есть писатели, которых одним словом не объяснишь и не оценишь. И все-таки через эпитеты стержень у них проглядывает.

У Петра Проскурина это совестливость. Совесть ведет по пространству романа «Порог любви», как и всех его книг и статей, речей письменных и устных. Это и заставляет его частенько прервать неожиданно плавный ход «художественной летописи» и произнести публицистический монолог, прямо указав читателю: вот где зло, а вот где добро. А третьего не дано.

ПОРУШЕННОЕ ДЕТСТВО

В русской литературе обращение к образу ребенка всегда соотносилось с будущим. Ведь ребенок – это еще не сформированный элемент общества, и за ним стоит будущее.

Тема детства всегда была востребованной в творчестве выдающегося русского писателя Петра Проскурина: в его романах, повестях рассказах. Дети у него всегда оказываются во власти взрослых и неизмеримо острее ощущают на себе зло мира, который их окружает. Но как изменился этот мир с приходом так называемой демократии. С непереносимой болью повествует писатель о поруганном детстве. Проявляется это всегда и везде...

В своем автобиографическом романе «Порог любви» он пишет о случае близ Павелецкого вокзала. В расписании поездов образовался перерыв в полтора часа и, сидя на скамейке в привокзальном парке, писатель обратил внимание на мальчика лет семи в коротких клетчатых штанишках «с какими-то взрослыми и цепкими глазами». На вопрос Петра Лукича, что же с ним случилось, услышал:

- «Дяденька, у вас десять долларов есть?
- Десять долларов? Зачем?
- Я все умею, не пожалеете... А здесь рядом, две минуточки... Ключ у меня»².

А дальше Проскурин пишет: «Я давно уже слышал и знал, что в Москве такие вот мальчишки охотятся за иностранцами и продаются, чуть ли не на глазах равнодушных обывателей, но сейчас неожиданно столкнувшись с подобной жуткой и пустой реальностью

² Проскурин П. Порог любви. М. Далее ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

жизни большого города в лице белокурого красивого ребенка с пухлыми щеками, я, уже старый человек, почувствовал нечто, трудно передаваемое словами. Сердце отяжелело...» (35)

А мальчик продолжал: «Сенька Гвоздь... он у нас главный, ему уже двадцать. Красивый такой, большой. Ох, какая у него дача! Десять комнат, не веришь? ... У него десять магазинов, три машины заграничных, вот! А теперь ему надо тридцать зеленых приносить каждую неделю, а то в гараж на ночь запрут ... Там у Гвоздя такие дружки из охраны...» (35)

И тут писатель заметил, что мальчик смотрит на его купленную в Чикаго куртку с эмблемой и надписью, и сразу понял. Его приняли за иностранца и решили попотчевать за определенную мзду ребенком. «Россия с помощью демократов стремительно наверстывала уже проделанный Западом путь деградации и распада человеческой личности. И вновь озноб сердца заставил меня замереть; нужно было что-то сказать, сделать, но я не знал что, привычный мир рушился и распадался.» (36).

Сама жизнь, действительность – невыдуманные сюжеты. Не исключением явилась повесть «Мужчины белых ночей». Герой повести – Федор Никонов, в недалеком прошлом вышколенный на прежней службе в одном из самых секретных подразделений госбезопасности, а ныне начальник охраны частного владения. Ветеран войны, жертва интернационального долга, он разочарован идеалами современного мира. Он точно знает, что рисковал жизнью и потерял друга не ради губернатора с болезнью, подхваченной где-то в ночных кутежах, живущего «двойной, показной и скрытой, даже от самых близких, развратной тайной жизнью...».

Все его воображение занимает воспоминание о погибшем друге Сергее. В своих фантазиях он все чаще общается с ним, и такие диалоги помогают ему разобраться в себе: «Нехорошо стало в мире, Сергей. Сам себя ненавижу, а что можно сделать? Капкан защелкнулся, не вырвешься»³. Федор, как и многие другие герои Проскурина, утратили веру в народ, в совесть и даже в Бога.

Размышляя над феноменом русского человека, Федор приходит к мысли, что он оскотинился до маразма – слепой кутенок, тычется из стороны в сторону, и ни шагу вперед: «Сам себе выбирает палачей, сам подставляет горло, ради Бога, только души, режь, володей всем телом, я – тварь бессловесная, плесень на земле. Появилась и бесследно исчезла» (531).

Федор – герой новой России, человек, готовый к переменам и осознающий их необходимость. Он готов к борьбе и понимает, что когда растоптаны Божьи заповеди и истинное Добро бессильно, то зло можно победить, только подделавшись под него самого, победить только злом еще более изощренным. Федор начинает презирать себя за собственную трусость, за то, что не может «встать во весь свой гигантский рост с мечом в руках и одним разящим ударом завершить дело и победить или погибнуть, но стоя с поднятой головой» (528). Эта мысль ставит точку сначала в размышлениях героя над собой, а реализовавшись, – в конце повести.

И здесь ребенок оказывается во власти взрослых. Дочь погибшего друга оказалась среди «так называемой услуги в местном притоне» губернатора. Она совсем юная, почти ребенок, и плохо представляет цель своего приезда. Автор восхищен ее чистотой и непорочностью: «...неуверенно улыбаясь, стояла девочка "вернее, еще девочка", прекрасно сложенная, именно в поре самого волнующего смущения, когда девочка еще не женщина, но уже и не девочка, когда все она еще только готовящийся бутон, вот-вот должен взорвать и брызнуть ярким, еще никому неведомым цветом, и когда помочь ему поскорее раскрыться и явить себя миру – благо и необходимость» (544).

³ Проскурин П. Мужчины белых ночей. М., 1997. С. 528. Далее ссылки на это издание даются с указанием страниц в скобках.

Невинная девушка, никогда не пившая вина и шампанское, соблазненная трюфелями в большой красивой коробке, использована губернатором в качестве «лекарства от тяжелой работы». Будущее оказывается поруганным и зараженным страшным неизлечимым вирусом. Причем, в контексте произведения это отнюдь не метафора.

По мнению Проскурина, повышенное внимание требуется тут не к следствию, а причине, и только после ее искоренения возможен какой-либо разговор о светлом и чистом будущем. Грустно, что до этого так далеко при нравственном кризисе современного общества.

Но к следующему рассказу.

Рассказ «Свидание с собой» – это наша действительность с ее «свинцовыми мерзостями» (М. Горький).

Прошедший Афган и Чечню главный герой рассказа Гоша видит их на каждом шагу в родном городе, столицы великой Посечи. С болью в сердце и ожесточением слушает он откровение соседки, сердечной подруги своей умершей матери: «Сейчас даже но-шпу купить – половина моей пенсии ... Никак не нажрется наш всенародный, чтоб он подавился нашим горем! А я еще, дура старая, за него голосовала, горло драла! Всех одурманил своей пьяной мордой, гляди-ка, мол, свой в доску! Простить себе не могу...» На вопрос Гоши, что бы она сделала, родись мужиком, тетя Ася безапелляционно восклицает: «Я своих бы благодетелей названных попотчевала бы ... Потихоньку щелк да щелк, глядишь, они бы и потише стали!» (513).

Реальность сегодняшнего дня нашего Богом забытого Отечества встает во всей наготе перед израненным в ненужных и позорных войнах и едва оставшимся в живых Гошей. Видит он Первопрестольную в зазывных рекламах чуждых России казино и иных вертепов. Видит он и зримые плоды «дерьмократии» пестуемой «всенародно избранным» и его камарильей – "однорукого" мальчика-нищего (имитирует это убожество), сидящего в конце подземного перехода на грязной подстилке. И вдруг (вдруг ли?) между этим маленьким нищим и бывшим офицером, вчистую уволенным в запас после взрыва чеченской мины по инвалидности, установилась какая-то больная и необходимая связь, и она прорастала с каждой новой встречей все глубже и подчас становилась неодолимой, пронзительно скользящей, мучила Гошу, и он не знал, что это такое.

Еще совсем недавно боевой офицер, защитник России, принимает решение стать покровителем мальчика, эксплуатируемого, как побирушку и крепостного, вооруженным мафиозным жлобом, шикарно одетым, на иномарке. Тайно опекаемый, тайно оберегаемый подбадриванием постороннего дяди (Гоши – П. М.), мальчик бросается убивать мафиозного крепостника, когда тот и Гоша схватились в смертельном поединке.

Закабаленное детство ринулось защищать доброту. Но когда, где и как у нас, нашего народа отобрали эту доброту? А главное – кто отобрал детство у наших детей, будущего нации? Петр Проскурин дает недвусмысленный ответ на этот вопрос. Обобрали те, кто жирует сейчас на вершине власти, чьи дети и внуки там, «за бугром» обучаются ремеслу окончательного убиения России, вскормившей на свою несчастную голову их дедов и отцов-оборотней.

Концовкой рассказа П. Проскурин дает ясный прогноз. Увидеть Россию державной, единой, непобедимой доведется если не Гоше, то Ваньке (так, оказывается, зовут мальчика-нищенку) – это уж точно. Не помешать этому ни внутренним супостатам, ни закордонным их покровителям и путеводителям. В том убеждают слова маленького мстителя, завершающего рассказ: «Я маленький! Вы меня еще не знаете, тетенька Ася... да!» (526). Так хочется в это верить.

ВЕЧНЫЕ ЗАКОНЫ ОБНОВЛЕНИЯ

В автобиографическом романе «Порог любви» Петр Проскурин пишет о том, что при жизни матери часто приезжал на свою родину, в поселок Косицы, что на Брянщине. Разумеется, ему тут же рассказывали всяческие новости – и кто умер, и кто женился, и кто из начальства проворовался и переведен куда-нибудь на иную должность, часто повыше первой, и кто пришел на его место. Мелькали знакомые имена, умирали близкие люди, женились и рождались новые.

«Наконец наступило и самое страшное – прошли похороны матери по ранней весне; утопая по колено в талой воде и в грязи, мы отнесли ее на старый будлянский погост в зыбких голых весенних ракетах – и она лежала в гробу какая-то отрешенная, очень дряхлая от давней и беспощадной болезни и очень похожая на свою мать, мою бабушку Анастасию Афанасьевну, и от подобного сходства в смерти было особенно жутко и невыносимо. Я был старшим сыном, и мне полагалось первым в последний раз попрощаться с матерью. Я слышал ветер в тонких ветвях ракет, но я вдруг перестал слышать что-либо другое, лишь посвистывал, в ушах ли, в сердце ли, один резвый студеной ветер ранней весны.

Затем минул год, и второй, и третий: охватившее меня на похоронах матери состояние я попытался передать через героя в повести “В старых ракетах”; этот замысел долго меня мучил и не давал полностью освободиться для другой работы, закончив повесть, я даже вздохнул с облегчением»⁴.

Повесть Петра Проскурина «В старых ракетах» – о том, как уходит человек, уходит навсегда из земного радужного мира. Уходит, чтобы остаться везде – и высоко в небе, и на самом дальнем краю земли. Это повесть о смерти. Но она и о жизни, о бесконечном, вечном беге времени, о непрерывном обновлении всего живого.

В последние годы, уже завершая эпопею «Судьба», П. Проскурин неожиданно для критики, предрекавшей появление заключительного романа в трилогии о Захаре Дерюгине, обращается к произведениям «малого жанра». Иные образы и картины взволновали воображение художника, заставили переменить перо. Так родилась лирическая, глубоко выстрадавшая картина философско-публицистического звучания.

Трудно ответить на, казалось бы, простой, житейский вопрос: «Когда душа человеческая распаивается настужь, чтобы до конца вобрать в себя красоту и гармонию мира, – в горе или в радости?» Каждый писатель (как, впрочем, и любой из нас) думает об этом по-своему. Петр Проскурин считает, что в беде, и лишь в ней человек раскрывается до самого доньшка.

Открываю книгу с одним из ранних романов Петра Проскурина «Корни обнажаются в бурю», подаренную мне, читаю: «...Дорогой Петр Аркадьевич, всегда помните – корни обнажаются в бурю, а людские сердца в беде». Это глубокая убежденность писателя совершенно отчетливо проглядывается в повести «В старых ракетах».

Как и великому множеству русских страдальцев, многое выпало на своем веку Евдокии. Военное лихолетье, фашистское нашествие, похоронка на мужа. Уже после войны гибель «старшенького» Костика, которого убила сохранившаяся с войны на пахоте мина. И вот теперь ее «меньшой» – сорокапятилетний Василий должен проводить мать в последний путь, выполняя последнюю ее волю – похоронить в родном селе Вырубки, на «своем» погосте: «...Помираю, сынок... Гляди же не обмани... как обещал, в Вырубки... на свой погост отвези... Слышь... Вырубки, Вырубки, сынок...».

⁴ Проскурин П. Порог любви. М., 2004. С. 142-143.

Главный герой повести Василий Крайнов — обыкновенный, каких много. Раньше он никогда не думал о смерти, хотя не раз и не два бывал на похоронах; сорокапятилетний мужчина, он был здоров, любил хорошо поработать, обильно и вкусно поесть; любил хорошую компанию — он еще был в самом зените, но вот теперь при виде того, как мать умирает, какой-то шевельнувший всю его кровь ток проник и в него, открылась иная мысль и иное чувство, и он не знал, что это такое... И стало ему страшно от этого высветления, и от того, что он родился и живет, и от того, что у него есть мать, и что ему придется умирать так же, как сейчас умирает она; в один миг он увидел жизнь в совершенно новом повороте.

В романе «Порог любви» П. Проскурин пишет о похоронах своей матери: «Да, да, что-то в жизни случилось, что-то непоправимое: нет, я не плакал, просто я смотрел в даль и ничего не видел — ни поля, ни луга, ни горизонтов: глаза застилала серая-серая, гладкая муть. И сердцу стало горячо и тесно, но все в мире кончается. Затем мелькнул и год, и второй, и третий: охватившее на похоронах матери состояние я попытался передать через героя в повести "В старых ракетах"; этот замысел долго меня мучил и не давал полностью высвободиться для другой работы; закончив повесть, я даже вздохнул с облегчением»⁵.

В повести «В старых ракетах» Василий, как и многие в подобных обстоятельствах, теряется в суете похорон, когда нужно хлопотать о справке, о паспорте, которого у матери-колхозницы никогда и не было, о всякой разной всячине, которой вдруг оказывается чересчур много в любом просвещенном государстве, в том числе (и особенно) и в нашем, если человек, не предупредив никого хотя бы за несколько дней, взял и отправился в невозвратимые для себя дали, как это и положено ему от природы.

Но все меняется перед простым горем Василия. Он действует определенно и безошибочно, и все, что хочет, просит или требует, тут же исполняется. Он зашел на работу, прошел к директору, и тот без промедления выделил ему на два дня машину и сто рублей денег из какого-то своего фонда. И справки никакой не понадобилось.

Долгой и нелегкой была для Василия последняя дорога его матери. Мы видим, как он неожиданно для самого себя словно бы начинает открываться: не сразу, бережно, постепенно одаривает его мир. Все сильнее начинает Василий ощущать «какое-то пьянящее, безрассудное чувство слияния с беспросветной и стремительной ночью, с этой землей, бесконечно родной сейчас, захлестнутой весенней тьмой...».

Петр Проскурин как бы осторожно прислушивается к внутренним процессам, которые происходят в его герое. Теперь все обостреннее воспринимается Василием мир, окружающий его. И уже до конца раскрывается душа героя на старом сельском кладбище, у той невидимой черты, которая разделяет живых и умерших.

Мне приходилось уже писать о месте и роли образов — символов в произведениях П. Проскурина. Заглавие повести с самого начала наводило на размышления. И вот здесь, у свежевырытой могилы, этот образ-символ, к которому автор вел нас от самого названия повести, обретает свой философский смысл: «Василию стало почему-то страшно, и он поднял глаза к вершинам ракет. Эти старые неприхотливые деревья были приятнее старых людей, в них жило что-то чистое и недостижимое. И откровение обожгло душу Василия: пусть иногда жизнь убога и отталкивающая, но вот сейчас, здесь, на тихом клочке земли, в напряженно гудящих ракетах, на этом последнем прибежище человеческой жизни, все было объято покоем и чистотой, и это чувство выжгло все темное и ненужное в его душе и очистило ее».

Когда гроб опустили, Василий бросил в могилу горсть сырой земли, отступил в сторону. Он вначале не видел ракет, хотя смотрел на них, но постепенно их ветви заплескались в его глазах. За несколько часов дождя, солнца и теплого ветра мелкая россыпь почек на них

⁵ Проскурин П. Избранное. М., 2004. С. 143-144.

увеличилась, стала заметнее, сами ветви отяжелели от пробудившейся и томившей их силы. Василий смотрел долго; теперь он понял, что и землю, и небо, и ракиты, и ветер, и его самого соединял какой-то один ток, один непрерывный согласный звук.

Мягкая задумчивость, подкупающий лиризм и простая торжественность этих строк заставляют вспомнить многие страницы произведений П. Проскурина, рисующие поэтическую русскую природу, природу средней полосы России. Они, эти строчки, напоминают о лучших стилистических и философских достижениях русской прозы.

Невелик, казалось бы, срок, всего несколько дней, но как на наших глазах меняется Василий перед лицом обрушившегося на него горя! Изменяется его характер, изменяется и отношение к нему окружающих. Первым пришел к Василию в минуту беды его односельчанин Андрей Бочков, схлестнувшийся когда-то с ним из-за будущей жены. Но перед лицом беды забылась былая распря. Оба они считают себя неудачниками в жизни, не довелось «выбиться в люди». Андрей был комбайнером, но охромел после несчастного случая и теперь регистрирует в сельсовете браки, рождения, смерти. Василий тоже институт не осилил, так и остался рабочим. Солидарны они лишь в том, что ни на них одних свет клином сошелся, другие односельчане – «один генерал, другой депутат».

Так встает в повести проблема двух различных обновлений – заведомо проскуринская проблема. Она находила место в его романах, повестях, рассказах. Разрешается она и здесь, в разговоре старух, и, поминая трудное былое, они не прочь похвастаться – у одной дочка в Москве, у другой сын в Ленинграде, «пенсию каждый раз тебе домой, просим получить денежки». (Здесь нужно оговориться, что такое «фантастическое» действие имело место до «судьбоносной перестройки» и «дерьмократических реформ».)

Не менее символичным представляется образ, возникающий в конце повести. Это образ горящего дома. И не уголек, выпавший из печки, был причиной пожара. Есть вечные законы, по которым сгорает, уходит старое, отжившее и рождается новое.

В этом, как думается, и заключается философский смысл повести Петра Проскурина «В старых ракитах».

ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

*Философско-публицистические аспекты
в романе Петра Проскурина «Имя твое»*

«Умом Россию не понять...» Прав был великий земляк Петра Лукича Проскурина. Но ведь к этому в иные времена кто-то приближался и приблизился. П. Проскурин, как мне думается, один из тех провидцев, что разобрались в сей «глобальной и непонятной» для инородцев проблеме.

Именно он, крестьянский сын с Брянщины, ставший выдающимся, любимым народом писателем, своей философией предвидения еще в «Горьких травах» предрек погибель русской деревни в силу идиотских, «по пьяни», решений неучей от политики.

Знаменательно, не правда ли, что и погибель могущественной державы свершилась «по пьяни».

Во втором романе монументальной трилогии «Судьба», «Имя твое», Петр Проскурин ведет уже речь об угрозе забвения власть предержащими ядерного щита нашего Отечества.

Если мыслить близкими миру П. Проскурина образами, то принятую им философию истории и общества можно выразить, соглашаясь с мыслью А. Шагалова, приблизительно так: «У поврежденного дерева, бывает, сохнет вершина, далее – опадают листья. На первый взгляд, дерево обречено. Но это обманчивое впечатление. Дерево живет до тех пор, пока не

перерублены корни, которые незримо связывают его с землей и питают живительными соками. Корни способны «вдохнуть» новую силу и свежесть в, казалось бы, навсегда увядшее дерево».

Так происходит и в жизни государства, общества, корни которого погружены в народные глубины. Для писателя-эпика П. Проскурина важен исторический смысл противоречий эпохи, и в сценах, данных «превосходно, с пластической осязаемостью», предстают наиболее важные аспекты жизни государства и народа.

Сегодняшний день России – это ли не предвидение писателя-философа?

Рецензенты в оценках романа «Имя твое» единодушны. «В литературном процессе, – пишет Ю. Лукин, – это явление приметное и в творческой биографии автора – достижение значительное». С ним согласен А. Киреев: «Романы «Судьба», «Имя твое» и «Отречение» претендуют на эпопею – один из самых трудных и редких жанров, доступных подлинно большим художникам слова – мыслителям».

Солидарны критики и в том, что писателю присуще умение видеть в индивидуальной судьбе – судьбу народную, в конкретном факте – панораму эпохальных событий. Что же касается конкретного выражения этих общих принципов, то они проявляются прежде всего в том, как П. Проскурин очерчивает сюжетные «трассы» и группирует героев своего произведения.

Вначале о последнем. Расположение действующих лиц в романе «Имя твое» строится таким образом, что они в чисто повествовательном плане, в последовательности освещения событий, в фабульной стороне произведения занимают место принципиально иное, чем в «Судьбе». Там узел событий завязан был вокруг Захара Дерюгина, его семьи, истории с приемным Егоркой. С Маней Поливановой и т.п.

Здесь повествование начинается с истории Аленки и Брюханова, их противоречивых отношений, и в дальнейшем сюжетная линия «Аленка – Брюханов» остается одной из ведущих. А образ Захара Дерюгина, оставаясь эпизодическим образом-символом, как бы отодвигается на второй план, но так, что мысль о неистребимой «дерюгинской породе» продолжает проходить на страницах романа. Мы теперь видим воплощение его черт в представителях второго поколения. Так первый момент оказывается связанным со вторым, осуществляется (в точном соответствии с логикой жизни) перегруппировка персонажей. Расширяется локальная и социальная «география» романа. «Имя твое» переносит читателя из села Густищи, городов Зежска и Холмска на далекую Каму, в тайгу. Захар Дерюгин «отодвигается» не только сюжетно, но и локально: после войны и плена он работает далеко от родного дома, в таежном леспромпхозе. В романе «Имя твое» изображаются также новые социально-профессиональные сферы. Это круг ученых-физиков, атомщиков и медицинская среда. Но какими бы многообразными и широкими ни были социальные, временные, локальные пласты действительности, изображаемые писателем, все они объединены одной общей идеей, связывающей все части эпопеи. Это идея бессмертия народа, его деяний, его непреодолимой жизненной силы. И, как всякий талантливый художник, П. Проскурин не декларирует ее, не навязывает читателю, а пронизывает ею весь контекст романа, лишь только кое-где возвышая свой повествовательный голос. Такие места являются своего рода идейными центрами произведения.

Один из них, например, – вдохновенный гимн Москве на одной из начальных страниц романа: «Немеренная любовь и ненависть, кровь и пот, радость и страдание умножали и хранили гордую и непостижимую русскую материнскую душу этого неповторимого города, и она в свою очередь со всей материнской щедростью питала своих пророков, свою твердь, и ничто, никакие перемены были над нею не властны; ничто не могло изменить вольное, свободное направление ее духа, ее движения. Накатывались опустошительные, кровавые

нашествия, и обессиленные падали, неумолимо вовлекаемые в незамедлительную и неспешную работу внутренних, невидимых постороннему глазу процессов. Каждый новый век добавлял свой кирпич к запасу прочности вечного города, приходили властители, оставляя своих преемников и новые законы, но город впитывал лишь то, что шло из глубин народной жизни и что лишь способствовало движению народа дальше. И даже от титанического удара неистового Петра вольнолюбивая душа Москвы не пошатнулась, а лишь отозвалась литым звоном. Даже такому, как Петр Великий, не дано менять что-либо в душе народа, потому что гений народа всегда мудрее и выше гения отдельного человека».

Характерно, что эти «одические» мысли владеют талантливым инженером Олегом Максимовичем Чубаревым, которого мы помним по роману «Судьба». Там он был в некотором смысле фигурой «страдательной», здесь же он один из центральных персонажей, один из носителей авторской идеи. Именно он говорит о том, что необходим всеобщий сознательный труд, который и есть истинная цель человеческой жизни: «Для того чтобы твое главное исполнилось, знаешь, сколько всего надо?... Надо, чтобы мой завод во всю ивановскую грохал, надо, чтобы кто-то хлеб сеял, да затем молот, да пек...»

Есть в романе «Имя твое» и еще один идейный центр. Это мысль о гармонии природы и человека. П. Проскурин – вдохновенный певец русской природы, русской земли, в которую он вселяет душу, считает ее символом народной жизнестойкости, красоты, мудрости. Не случайно роман открывается ярким пейзажем, в котором чувствуется что-то волшебное: Аленка купается в росе на Чертовом кургане, что, по старинному поверью, должно принести ей счастье. В дальнейшем сюжетном развитии этот мотив природы будет усиливаться в тех местах, где зазвучат образно-характерологические переключки.

Остановлюсь на переключке между образами Аленки и ее отца Захара Дерюгина, которые являются важными идейными центрами произведения. Аленка – «из дерюгинской породы», такая же неистовая, страстная, мятущаяся натура, как Захар. Судьба ее во многом напоминает судьбу отца. Став женой Брюханова, который сначала был первым секретарем Холмского обкома, затем начальником крупного главка в Москве, она вдруг неожиданно полюбила врача Игоря Хатунцева. Такой внезапный сюжетный поворот П. Проскурин, по своему обыкновению, мотивирует двойным рядом причин и предпосылок.

Первый ряд – это внутренние противоречия самой Аленки, сложность, мятежность ее натуры. Полюбив, как казалось ей, Хатунцева, она терзается угрызениями совести, обвиняет себя в самом тяжком для женщины проступке. Самобичевания Аленки занимают в романе несколько страниц: «Как это она могла позволить себе? На молодого мужика потянуло?.. Подлая, скверная баба, продолжала она себя ругать, да тебя не держит никто, Брюханов всегда даст тебе свободу, он бы просто выгнал тебя, узнай хоть отчасти о том, что с тобой происходит, он не представляет себе, что ты способна на такие мысли. Он всегда говорит, важен не сам факт измены, а что при этом испытывает человек – счастье или стыд... Ну разве она виновата, что в ней все время что-то рвется наружу, ноет какая-то струна в сердце, никак не утихает?»

Сложной, не похожей на других видится она и Хатунцеву. «Все есть, внешность, ум, возможно, способности, – размышляет он, – и в то же время есть что-то такое, от чего становится неуютно... Такие бабы с вывихом, как правило, ищут приложение себе где-то на стороне, уходят от своей естественной природы».

Действительно, в «дерюгинской породе» (и «природе») есть нечто противоестественное, с точки зрения ординарного, обыденного сознания и чувствования. Из первой части трилогии мы помним, что партизанкой Аленка совершила необыкновенный, прямо-таки невообразимый поступок, оставив умиравшему в нечеловеческих муках Алеше Сокольцеву пистолет. Это, по существу, убийство во спасение мучит Аленку, образ любимого

постоянно в ее сердце. «Я убила его. Он мог бы жить, жить!..» – твердит она в отчаянии. «Нет, – говорит доктор, партизанивший вместе с ней, – мне хитрить не к чему... Где милосердие переходит в зло? Уложить в какой-то футляр совесть? В какие границы? Ты тогда подвиг совершила, взяла и оставила ему пистолет... Какой мучительный подвиг. Не каждый на это способен... Его еще только сердце держало... молодое, крепкое. А жить он уже больше не мог, жить ему было нельзя. Все правильно ты сделала... Ты же врач... У него не оставалось даже полшанса».

Аленку мало убеждают слова врача. В ней продолжает бушевать неукротимость «дерюгинской породы», и она уходит от Хатунцева, потому что он осквернил память об Алеше Сокольцеве.

Что же касается ее разрыва с Брюхановым, то второй причиной этого является эволюция характера самого Тихона Ивановича. В романе «Имя твое» эта эволюция осуществляется, так сказать, регрессивным путем. Брюханов не замечает, как высокое служебное положение все более и более обедняет его, как смещается ценностный центр его представлений. Писатель в данном случае показывает, что сердцевина его личности в чем-то оказалась рыхлой, хотя в общем он придерживается твердой партийной линии, диктуемой условиями того времени. В известном смысле черты Брюханова – секретаря обкома напоминают черты Юлии Борисовой из романа «Горькие травы». Постепенное «ухудшение» характера Брюханова первой разглядела именно Аленка. Она чувствует, что Брюханов с каждым днем отгораживается от людей, что для них он «кресло», «начальство». Внутренне это осознает и сам Брюханов. Он все чаще ловит себя на самоуспокоенности и даже на обывательской трусости. Но в то же время он сознательно старается перечеркнуть в себе духовные противоречия. «Гнилой росток» в душе Брюханова ясно разглядел его наставник и боевой друг Константин Леонтьевич Петров. Его дневник и предсмертное письмо передал Брюханову Сталин. Брюханов долго не решается распечатать бумаги Петрова, так как догадывается о содержании. И в этом новое подтверждение еще одной отрицательной черты его характера – боязни узнать смутно сознаваемую правду о самом себе. В такого рода внутренней противоречивости и заключается особенность этого образа. Как видим, исходные характерологические принципы, применяемые П. Проскуриным, последовательно сохраняются и в этом его романе.

Тихон Брюханов, прочитав письмо Петрова, понял, что не ошибся в своих опасениях. «У тебя, Тихон Иванович, есть многие качества партработника, – писал Петров, – но у тебя, может быть, неосознанно, четко определена и некая заминированная полоса. Ее ты пока не рискуешь переступить, эту запретную полосу, и если таким будешь дальше, ты никогда не станешь творцом, а всегда останешься слепым и четким исполнителем. Это несовместимо с руководящей работой; партийная работа прежде всего – непрерывное живое творчество, чутье тенденции жизни, безоговорочное естественное стремление поддержать самое деятельное, самое прогрессивное, не упустить его еще в зародыше, а еще лучше – в самом предчувствии. Таково свойство всех подлинных революционеров и в науке, и в искусстве, и в социальной борьбе». В дальнейшем угаданный Петровым недостаток Брюханову как будто удастся преодолеть. Но именно как будто, ибо сюжетная линия его остается незавершенной. Однако в этом отнюдь не просчет писателя, а, напротив, верность диалектике жизни, человеческой судьбы.

Столкновение самоуспокоенности Брюханова и неукротимости Аленки приводит к их разрыву. «Что я могу изменить в товарище Брюханове?» – спрашивает она в конце романа. И сама же отвечает: «Да ничего... Он как монумент, раз навсегда высечен и закончен... Всегда один и тот же, в любых обстоятельствах... Нельзя же всю жизнь прошагать рука об руку со

статуйей». Таким образом, психологическая фигура Аленки отмечена теми же чертами, что и фигура ее отца Захара Дерюгина: та же мятежность, тот же протест, та же жизненная неустроенность. Общность их черт сопровождается и образом-символом природы. Так, в трудный час разрыва с Игорем Хатунцевым перед ее мысленным взором встает образ леса. Вот их диалог: «Лес живой, – говорит Аленка. – У него душа есть, мохнатая и очень добрая... И люди, не все, правда, знают эту душу, не все допущены к ней... Но те, кто допущен, сами обязательно добрые и мудрые... Они знают закон жизни...

– А ты?

– Что я?

– Ты допущена?

– Я нет, мне нельзя, – не сразу призналась Аленка, закрывая глаза и почти воочию, мучительно реально представляя себе старый осенний лес с шуршанием листьев под ногами, с ощущением присутствия в каждом дереве, в каждом кусте чего-то всепонимающего живого, какой-то бесконечно доброй и беззащитной души». И далее: «...Аленка снова видела себя в лесу, но теперь не в осеннем, ярком, а в густом, напряженном, налитом угрожающей, темной силой весны, силой преддрового томления, и была он в этом лесу как слабый отзвук чего-то ненужного, как мимолетная, ежесекундно исчезающая тень; ей захотелось забиться в густую прохладную траву, в самые корни, и остаться там, может быть, навсегда».

И Захар в романе «Имя твое» внутренне столь же тесно связан с природой. Спасаясь от преследования после побега из концлагеря, почти умирающий, он чувствует животворную силу родной земли, которая одна только и могла защитить его от страданий и гибели. И в другом месте, узнав о том, что второй его сын Вася оказался на самом деле сыном его лютого врага Макашина, он обретает в себе жизненные силы и единоборстве с таежным великаном-кедром.

Символ природы связан у П. Проскурина в романе и с фигурой Брюханова. В данном случае это тоже образ леса, но в нем для Брюханова заложено нечто таинственное и даже враждебное, ревность к прошлому. «А если она до сих пор любит того... уже не существующего», – думает Брюханов об Аленке и Алеше Сокольцеве. «Но он-то до сих пор здесь, в этом лесном сумраке, стоило тебе ступить сюда, в зеленый мрак, и настоящий хозяин тут же отыскался». «Он больше не мог оставаться наедине с этим сумраком и с этим третьим и, едва сдерживаясь, чтобы не ускорить шаги, все время чувствовал за спиной тот же долгий, неотпускающий взгляд, как будто им же самим разбуженная душа леса теперь неотступно следила за ним...»

Образ-символ природы объединяет не только основные сюжетные линии, связанные с судьбами главных героев – Аленки, Брюханова, Захара Дерюгина, Мани Поливановой, Ефросиньи, Федора Макашина, Николая Дерюгина и других центральных или второстепенных персонажей. Он объединяет два важнейших идейных и сюжетных центра, определяющих проблематику проскуринского романа, его драматизм и актуальность. Эти центры, как уже говорилось, включают в себя основные сферы деятельности и общественной, и личной жизни людей в послевоенные годы.

Во вторую часть своей трилогии писатель ввел проблематику, связанную с наукой, научно-техническим прогрессом, освоением космоса и разработкой новых видов оборонного оружия. Эту сферу П. Проскурин не отрывает от показа широкого, многогранного народного бытия. Он все время подчеркивает, что никакой, даже самый высокий уровень развития науки и техники невозможен без коренной, кровной связи с народной почвой, с нелегким крестьянским трудом. Эту мысль проясняют в романе яркие образы-символы природы. Один из них – изображение на фоне строящегося атомного полигона старого карагача: «Старый

карагач, исхлестанный за долгие десятилетия стремительными, частыми буранами, жадно вытягивающий цепкими корнями скудную влагу на большой глубине, и в эту весну, как обычно к теплу, покрылся мелкими неяркими цветами. Они напоминали густо пробившиеся сквозь золу полузатухшие угли; именно эти угасающие цветы указывали на исполинскую силу выживаемости природы... Он был стар, совершенно голый, без листьев, весь оплетенный вздувшимися древесными венами, он таил в себе какой-то вызов...»

Итак, природа в романе «Имя твое» не фон, не антураж, а яркий, значимый образ, символ нелегкой, но такой богатой и бессмертной народной судьбы. Многообразные индивидуальные судьбы сплетаются в произведении воедино, одна судьба как бы повторяет другую. Судьба Аленки повторяет судьбу Захара. И эта параллель подчеркивается П. Проскуриным едва ли не во всех сюжетных коллизиях. Ее легко можно проследить, сравнив эпизоды первой и второй части трилогии.

В «Судьбе» Захар, полюбив Маню Поливанову, оставил Ефросинью. В «Имени твоём» Аленка полюбила Хатунцева и покинула Брюханова. В «Судьбе» она же совершает «убийство во спасение» Соколыцева. В «Имени твоём» Захар становится убийцей – вершителем суда над Загребой. Правда, Загреб – главарь своего рода мафии в далеком таежном леспромхозе, и его убийство – это спасение многих людей, по тем или иным причинам попавшим в его паутину.

Но есть и индивидуально-неповторимое в судьбе Захара Дерюгина. Воплощая в себе жизнестойкость народа, он становится орудием кары врагов в любом их облики. Причем, если враг тайный (Загреб), Захар карает его явно. И, наоборот, если враг явный, Захар карает его косвенно. Именно так происходит с Федором Макашиным. Безжалостный патологический убийца Макашин, на совести которого много жизней, приходит к Захару, чтобы «исповедаться», просит непредвзятого и справедливого суда. Но Захар отказывает ему в этой последней милости.

Петр Проскурин дает здесь чрезвычайно насыщенную, тонкую психологическую мотивировку всему строю мыслей и чувств предателя. Очевидно, это тот самый случай, когда преступник возвращается на место преступления, чтобы каким-то образом спасти потрясенное сознание. В русской литературе немало примеров такого рода. Образ преступника, переживающего острейший психологический кризис, ведет свою родословную от образов Гоголя и Достоевского.

Автор рассматриваемой трилогии, несомненно, следует в этом пункте, традициям классиков. Его Федор Макашин – это разновидность преступного типа, не рассуждающего в своей звериной ненависти ко всему человечеству. Правда, писатель во второй части эпопеи дает ему возможность уйти от прошлого, подавить в себе воспоминания. Такая возможность воплощена в образе русской женщины Галины Аркадьевны. Но трещина, которую дала надломленная психика Макашина, столь глубока, что писатель в соответствии с художественной правдой этого характера не представляет ему возможности исхода острейшего внутреннего конфликта. Психологический крах Макашина предопределен всей логикой развития образа. Макашин приходит к человеку, которому он причинил столько зла и который является живым напоминанием о совершенных преступлениях. При этом надорванная психика услужливо показывает Макашину выход: он думает о том, что и Захар-де совершил немало зла на земле: «Ну я – ладно, статья особая, а ты, Захар Дерюгин, сколько ты на свою душу греха взял, сколько людей на высылки отправил, сколько детских душ загубил – и как же ты теперь жизнь свою считаешь? Перед каким богом на колени становишься?» Но эти рассуждения не спасают Макашина. Совесть не прощает, она постоянно преследует его кровавым видением: «Впервые старуха пришла к Макашину на рассвете... Она молча и покорно стояла у порога в длинной юбке, в платке, повязанном низко, по-деревенски; он не

мог различить ее лица, но он хорошо расслышал прошелестевшие ее бессильные слова: «Будь ты проклят и на этом, и на том свете!» Вторично это случилось уже весной... Как будто прямо над ним опять прозвучали те же страшные слова: «Будь ты проклят и на этом, и на том свете!» Он замер, старуха в длинной юбке со стертым лицом уже исчезла, таяла, отдаляясь...» И, наконец, кульминационный пункт в линии Макашина, когда он узнает в маленьком Васе своего сына. После этого следует вполне мотивированная, но жуткая сцена самоубийства преступника, который все-таки надеется, что это станет отпущением его грехов: не случайно в момент смерти «каким-то странным, непостижимым образом на его лице образовалось, как-то закрепилось и затвердело подобие улыбки». Но кара настигает Макашина и после смерти. Через год на его труп, вернее, на то, что осталось от него, наткнулись охотники. Они увидели «остов скелета с полусгнившими на нем остатками одежды, пожелтевший череп, словно отполированный дождями, ветрами, остальными превратностями погоды и всякой таежной мелочью, вроде муравьев и червей... Они, как и приличествует в подобных случаях, порассуждали о судьбе, припоминая самые разные варианты несчастных случаев..., прибрав останки и слегка привалив их землей, не сговариваясь, решили устроить ночевку где-нибудь в другом месте».

Так завершается сюжетная линия Федора Макашина, которого даже земля, кормилица всего сущего, отказалась принять в себя. Символический подтекст не нуждается в комментариях. Образ Макашина – несомненная удача писателя, который в одной из наших бесед подчеркнул, что ему дороги не только положительные персонажи романа, но и отрицательные, по пословице: «Уродливое дитя больше дорого родителям».

Столь же, по-видимому, «дорог» писателю и образ Родиона Анисимова, хотя он остается в некотором смысле незавершенным.

Критики не вполне правы, говоря о том, что Родиона Анисимова читатель привык воспринимать без всякого волнения, холодновато, на некотором отдалении, вне поля возникновения активных эмоциональных контактов.

Читательской холодности при восприятии этого характера не может быть прежде всего потому, что Анисимов – это своего рода «психологическая загадка». П. Проскурин нашел такие способы построения характера, которые доказывают, что человек может представлять «закрытую систему» не только для других, но и для себя самого. Именно в этом причина острейших внутренних противоречий Анисимова и тайна его образа.

Противоречия Захара Дерюгина – в непредсказуемости его поступков, в «изломах» его личности. Таковы же противоречия у Аленки, у которой от «дерюгинской породы» идет даже отсутствие обыкновенного биологического чувства самосохранения. Противоречия Брюханова возникают тогда, когда он начинает утрачивать чувство кровной связи с народом и замыкается в кругу привычной и удобной руководящей деятельности. Противоречия Федора Макашина усиливаются по мере того, как смертельно больная совесть подтачивает его внутренний мир.

Противоречия же Анисимова принципиально иного свойства. Они лежат скорее в подсознательном. Если другие герои П. Проскурина действуют по долгу, в соответствии со своими желаниями, в иных случаях – под влиянием того или другого факторов, то у Родиона Анисимова нет чувства долга и, собственно говоря, нет острых, всепобеждающих желаний. И вот эта-то холодность, усредненность чувств и стремлений вызывает в нем неосознанную тягу к настоящим, сильным и страстным людям типа Захара Дерюгина. Ему все время хочется чего-то нового, каких-то перемен, но никаких кардинальных изменений он совершить в себе самом и окружающем не может: не хватает силы духа, страстности характера. До войны у него еще были какие-то конкретные представления и цели. Он старается всеми доступными ему, пусть

слабыми силами расшатать то новое, молодое, что созидалось на его глазах, он верил в какую-то иную, нереальную Россию. Анисимов был идейным врагом советского строя, и это толкало его на предательство. Но советский строй был крепок и незыблем, и Анисимов чувствует это. Его зависть и ненависть обращаются уже не к социалистическому обществу вообще, а к тем конкретным людям, которые воспитаны этим обществом.

В романе «Имя твое» Анисимов, скрыв прошлое, становится одним из ответственных работников облисполкома и как будто добивается внешнего благополучия. Но сознание своей внутренней слабости, своей «отделенности» от окружающего постоянно преследует его, заставляет искать контактов с людьми, сильными духом: «Во всех своих действиях он все время словно кружил вокруг какого-то одного центра, все время незаметно к нему приближаясь, и этим притягательным центром было все, что связано с Захаром». В этом сходство сюжетной линии Анисимова с линией Федора Макашина, которого так же бессознательно потянуло к Захару.

По делам службы Родион Анисимов попадает в те места, где работает Дерюгин, и его «начинает щекотать бесовское желание увидеть Захара, но он тут же подавляет его. Нельзя было рисковать благоприятным ветром, час от часу усиливающимся. Он приятно щекотал тонкие породистые ноздри, хотя и не сулил теперь широких политических перспектив. Анисимов лишь усмехается, он теперь знал, вернее, был уверен, что знает подлинную цену жизни и в чем она для него заключается».

Зависть к настоящим, сильным людям неодолимо влечет его и к Брюханову, который ничего не знает о предательстве Родиона Анисимова. Брюханов для него заключает в себе «загадочное нечто, совершенно необходимое Анисимову для всей дальнейшей его жизни».

Подсознательное влечение к сильным людям сочетается у Анисимова с ненавистью к ним, с желанием мстить. Прежде он пытался мстить Захару, теперь мстит Аленке и Брюханову. Месть эта тонкая и изощренная. Анисимов оказывается хорошим психологом, при всем том, что не знает собственной психологии. Своеобразным способом он «провоцирует» измену Аленки Брюханову и ее любовь к Игорю Хатунцеву. Сидя в гостях у Хатунцевых, Анисимов очень осторожно, но настойчиво заводит разговор об Аленке: «...Посуди, что за скука, Игорь, никакого полета, ни шага в сторону! Красивая женщина, ну скажи, при чем здесь, чья она жена? Нет, не понимаю я вас, молодежь, не понимаю. Вы даже на мечту себе не оставляете права. А в любви у всех одни права – в этом государстве, по-моему, нет ни границ, ни царей, ни даже секретарей обкомов. Все подданные, все равны!»

Семена, брошенные Анисимовым, пали на уже подготовленную почву (Аленка и Хатунцев давно испытывали скрытое влечение друг к другу), но если бы не было этих «семян», события могли бы развернуться иначе. Он же, Анисимов, рассказывает Хатунцеву и о том, как Аленка совершила «убийство из милосердия», и этот рассказ, в свою очередь, привел к разрыву Хатунцева с Аленкой.

Итак, изощренная месть Анисимова свершилась. Но достиг ли он своей цели? Установилось ли в его душе равновесие? Развертывая его сюжетную линию, Петр Проскурин отвечает на этот вопрос отрицательно. Казалось бы, опасная болезнь приемной дочери его жены, которую он до сих пор едва ли не ненавидел, производит в нем внутренний переворот: его мир очищается.

«Ничего плохого, страшного, мерзкого в жизни не было, ни убийств, ни подлости, ни другой скверны, а все было чисто и светло. Все плохое бесследно исчезло, осталось одно добро, истина, ясный тихий свет; ребенок, вот эта больная девочка, победила все зло, в ней есть спасение, в ней есть истина. Боже мой, боже мой, как хорошо и просто! Даже странно, как хорошо... И ничего не надо – ни страха, ни ненависти. Не надо, не надо! Пусть небо будет

само по себе, а земля сама по себе, пусть и дальше все так же течет, ровно и тихо. Покой, боже мой, обыкновенный покой, вот чего ему недоставало! Что теперь ему Россия, вот она перед ним, вся Россия, в этом больном ребенке с сохнувшими от жажды губами, если они есть. И не надо унывать, они такие есть, найдутся, что подхватят, не задумываясь, его оружие... и другие найдутся, те, что встанут со своим, новым, ему неведомым, что непременно уже выковала жизнь... А ему – что ж, он свое сделал. Нет, нет, он и сейчас не сдастся, он и сейчас не с поднятыми руками, он просто натолкнулся на высшую ценность, вот и все...»

Но психологический рисунок образа остается, как и говорилось, не вполне законченным и противоречивым, что вызвало упреки критиков.

Итак, что же такое Анисимов? Раскаившийся враг, поверивший, наконец, в неизбежность советского строя и старающийся постичь основы его неизбежности, приобщиться к ним? Или, напротив, он остается «отторгнутым от всех основ, отброшенным навсегда от вечно живой воды»?

«Загадка» Родиона Анисимова остается неразгаданной. Но сам по себе его образ, конечно же, не может оставить читателя равнодушным, холодным. Здесь художественно-психологические принципы П. Проскурина отмечены несомненной оригинальностью и новизной, заставляющей поразмыслить над тайной этого характера.

Новизной и необычностью отмечен и образ Николая Дерюгина, но новизна эта иного плана. Писатель углубился в общественно-психологическую сферу, не изображавшуюся им ранее.

В первой части трилогии мы видим Николая совсем еще мальчиком, чье детство протекало в страшную годину войны, немецкой оккупации. Казалось, ничто не предвещало, что из простого деревенского подростка вырастет крупный радиофизик и космонавт. Однако именно он оказался способным достичь вершин науки, ибо такова его «порода». Композиция образа Николая Дерюгина также нова для писателя. Его сюжетная линия не имеет поворотов, петель, ретроспекций. Она протягивается прямо, хронологически последовательно, лишь становясь постепенно все более и более событийно насыщенной. Две силовые пружины разворачивают линию Николая. Первая – его генетический «код», его «порода». Вторая – та, о которой говорил Ф. Энгельс: такого рода характеры «черпают мотивы своих действий не в индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет». Именно «исторический поток» плюс генетически заложенные потенции сделали из Николая Дерюгина то, чем он стал.

Характер Николая дается в постоянном развитии, мы видим, как им приобретаются все новые и новые черты. Но нечто неизменное, постоянное заложено в нем изначально. Писатель подчеркивает этот генезис (так же, как подчеркивал его при обрисовке других представителей семьи Дерюгина), показывая неожиданные, но глубоко психологически мотивированные его поступки. Вот Николай, еще юноша, талантливый, одержимый наукой, просит у Брюханова денег, чтобы помочь попавшей в беду однокурснице. А вот он заставляет Аленку признаться Брюханову в измене. Собственно говоря, с этого момента и начинается его духовное возмужание, прорастают родовые семена.

Этот эпизод напоминает аналогичную сцену из «Хождения по мукам» А. Н. Толстого, когда Даша вынуждает Катю признаться мужу в своей измене. В таком сходстве нет ничего удивительного: Петр Проскурин даже в незначительных деталях психологической обрисовки своих героев продолжает традицию писателей старшего поколения. И дело здесь не столько в сюжетных перекличках, сколько в близости психологических мотивировок поступков героев.

И там, и здесь юные, нетронутые сердца сталкиваются с неразрешимыми для них противоречиями жизни и стараются найти выход из ситуации, в которой ломаются их

представления об элементарных основах межиндивидуальных отношений, о честности и чистоте.

У А. Н. Толстого сначала идет диалог Даши с Телегиным, где девушка раскрывает свою духовную «нетронутость»: «Раньше мне казалось так: есть воры, лгунишки. Убийцы... Они существуют где-то в стороне, так же, как змеи, пауки, мыши. А люди, все люди, – может быть, со слабостями, с чудачествами, но все добрые и ясные. Весь свет мне казался точно нарисованным чудесными красками. А теперь я точно провалилась в эту картину, в темноту, в духоту... Я вижу – человек может быть обаятельным, даже каким-то особенно трогательным, прямо наощупь, и грешить, грешить ужасно при этом – не пирожки таскать из буфета, а грех настоящий: ложь. Человек этот прелюбодей. Женщина – замужняя».

Весь эпизод приводит к упомянутой сцене признания в «прелюбодеянии».

У П. Проскурина – также «внешнее-внутреннее» раскрытие героя, а затем – аналогичный эпизод. «Николай был в той поре, когда все без исключения кажется прекрасным. Необходимым, естественным... даже безобразное иногда оборачивалось своей неожиданной, полезной стороной по отношению ко всей остальной жизни; Николай начинал понимать и видеть такие связи и закономерности, что подолгу был потом сосредоточен, никого не замечал вокруг». И далее – его диалог с Аленкой: «Ты зачем обманываешь Брюханова? ... Ведь честнее сказать, Брюханов-то настоящий человек... А ты – обманывать, такая грязь... Или ты мне хочешь посоветовать, чтобы я тоже узнал вот такую, как ты говоришь, жизнь, от крыши до подвала, до сточных канав? Или ты завтра напишешь Тихону Ивановичу, или это сделаю я...»

Николай Дерюгин не становится центральной фигурой романа, но последняя часть, «Звездный порог», целиком посвящена ему.

Мир Николая не похож на мир Захара и Ефросиньи. Это мир науки, мир «высоких материй», философских споров, раздумий об НТР и смысле бытия. Но он во многих точках сопряжен с тем миром, где сеют хлеб и варят сталь. И именно об этом размышляет Николай, приехав к родителям в родное село: «Какая чепуха все, что мы там делаем и стараемся делать и ненавидим друг друга; а вот это самое настоящее, неподдельное: хлеб, земля, солнце, и надо так просто жить...» «Жить должно просто и свободно: растить хлеб и детей и потом уйти, уступить место другим».

Мир науки, так же как и мир простого и нелегкого труда, имеет своих врагов, своих анисимовых и макашиных, своих карьеристов и завистников. «Таких, как я, много. Нас больше..., – заявляет Николаю обыватель от науки Борис Грачевский. – Ты вон как ко мне все присматриваешься, присматриваешься – зря, время теряешь... Ты лучше по кабинетам ходи, ходишь – и правильно, и молодец! Это прямо твое призвание! И самое что ни есть время. Сейчас ведь кто к начальству за советом не ходит, его сразу – бац! – и в разряд безынициативных, со всеми вытекающими!»

Такие же карьеристы и филистеры всеми средствами пытаются урвать лакомый кусок от подлинной науки. Заместитель Брюханова, Муравьев, например, старается протолкнуть в аспирантуру бездарных молодых людей, потому что их родители занимают важные посты.

П. Проскурин намеренно подчеркивает не только положительное, но и отрицательное сходство обоих миров (принцип, напоминающий о «Горьких травах»). Однако не случайно именно Николай Дерюгин, знающий подлинную цену физическому и умственному труду, является связующим звеном между этими двумя мирами, собственно «трудовым» и научным.

Как и отец, Николай – натура мятежная; ему не дано при жизни до конца познать личное счастье, но зато он знает, что счастье – в любимой работе. Заключительная часть романа – «Звездный порог» – рисует Николая Дерюгина возмужавшим, достигшим научных вершин, но его характер П. Проскурин продолжает раскрывать в противоречиях, настаивая на

том, что художественный психологизм не может быть достигнут без изображения беспрестанной внутренней борьбы любого человека с самим собой.

Николай любит обаятельную девушку Таню и в то же время запрещает себе ее любить. Этот внутренний запрет опять-таки мотивирован двояко: во-первых, Татьяна – дочь учителя Николая, во вторых, в душе ее живо воспоминание о ее первой любви, о чем Дерюгин случайно узнает (образно-характерологический параллелизм с Аленкой).

Но все эти противоречия характера Николая Дерюгина в конце концов, как и у других героев Проскурина, снимаются в те моменты, когда он (Николай) оказывается в «пограничной ситуации». Таких ситуаций немало в жизни Николая. Самыми напряженными П. Проскурин изображает две – обе перед лицом смерти. Первая – смерть конструктора Лапина, отца Тани, когда Николай Дерюгин отчетливо осознает: «Человек действительно подобрался к самой своей вершине и в предчувствии непостижимой крутизны обратного движения ослепительно одинок». «Перед ним распахнулась какая-то слепящая, почти жгучая даль... и он сам, Николай Дерюгин, словно стремительно мчался в нее, в эту невозможную даль, и не видел предела, с трудом сдерживая в себе разрывающий его крик восхищения перед тайной жизни...» Вторая «пограничная ситуация» – гибель самого Николая Дерюгина. Писатель поистине достигает здесь апогея своего психологического мастерства, давая полное и окончательное разрешение всех противоречий характерологической линии своего героя. Николай впервые ощущает гармонию, согласие с любимым существом: «Таня, Таня! – успел не то подумать, не то прокричать он. – Родная ... я все оставил... там... тебе». Такую же гармонию обретает он и в единении с вечностью, с Вселенной.

Писатель замыкает символический круг, который он начал очерчивать в начале романа. Там это было единение земной жизни и природы, а здесь – смерти и космоса: «Беспределный океан был нем и как всегда недвижим, его законом были вечность и закон безмолвия. Он обнимал все миры и все, что являлось Вселенной – праматерью всего сущего, богов и людей, неслыханных, необозримых космических катастроф; в нем бушевали силы, необъятные для разума, и слабая мгновенная искорка человеческой жизни по значению уравнивалась с крушением и появлением миров...» «Хотя Николая Дерюгина уже не было, потому что он уже навсегда слился с неизмеримыми пространствами космоса, на Земле еще никто ничего не знал, окутанная бодрой весенней дымкой Земля встречала рассвет нового дня».

Так завершается вторая часть трилогии Петра Проскурина, произведения широкого, многопланового, чрезвычайно сложного в идейном, сюжетном и композиционном отношении.

Образ Николая Дерюгина, как и десятки других образов густонаселенной проскуринской эпопеи, служит делу воплощения генеральной идеи произведения и сам же выражает ее.

Единство всех сторон содержания «Имя твое» – тематики, проблематики, эмоциональной оценки изображаемой жизни, системы характеров – показывает, что образная обобщающая мысль писателя охватывает все стороны человеческого бытия – от социально-бытовой до философско-онтологической. При этом общефилософское беспрестанно переливается в бытовое и наоборот. Такой диалектический «перелив» определяет идейное построение произведения.

«НАРОД – ЭТО ВЕЛИКАЯ ТАЙНА»
(о романе Петра Проскурина «Число зверя»)

В первой книге романа Петра Проскурина «Порог любви», пронизанного мыслью о нравственном долге сегодняшнего поколения перед прошлым Отечества, о связи времен и роли традиций в родной культуре, есть такие строки:

«...Любая, самая большая равнинная река, даже Волга, начинается с незаметных родников; и если не знать, что вот здесь, вот именно из этой светлой говорливой колдобины начинается Волга, то можно перешагнуть ее, не заметив, но если ты будешь знать, что здесь начинается сама Волга, то невольно остановишься, а то и присядешь и задумаешься и, возможно, если тебе не помешают сиюминутные заботы и отвлечения, услышишь душу своей земли, душу народа своего, и станет тебе светло и просторно, как бы ни был ты утомлен и обескровлен, потому что хоть на мгновение тебя коснется могучий, неостановимый бег времени...

А у ног всего лишь еле приметный, еле слышный родничок журчит, мурчит себе, но это – начало Волги, но здесь – сердцевина родной земли...»

Вспоминаются эти строки, когда открываешь первую страницу романа Петра Лукича «Число зверя».

Петр Проскурин был всегда на «переднем крае» отечественной литературы. Всегда неподкупно верный. Одна за другой выходили его книги «Порог любви», «Седьмая стража», «Огненный ангел», «Аз воздам, Господи», «Мужчины белых ночей».

Причем последняя из них не просто еще одна книга, это еще и новая качественная ступень в творчестве художника.

Наблюдая за титаническим, без преувеличения, трудом писателя, еще и еще раз приходишь к выводу: для того чтобы плодотворно работать в литературе и расти от книги к книге, необходимо иметь основу – направление роста. А оно, как известно, требует каждодневного труда и борьбы за него, его надо выстрадать, как все истинное в искусстве. Если писатель не определил для себя единственно верный магистральный путь творчества, он теряет ориентиры и утрачивает шанс на значительные художественные открытия. Свои ориентиры П. Проскурин сформулировал в самом начале своего писательского пути в статье «В поисках сигнальных огней». Оттого, по нашему глубокому убеждению, никогда не сбивался с фарватера большой литературы.

Петр Проскурин – художник одной глобальной проблемы: судьба и верность. Именно к ней стягивается решение многих жизненных и житейских, философских и нравственных проблем.

С понятным нетерпением читатели и критики ожидали выхода романа «Число зверя». Книга сразу вызвала много вопросов. В одном из интервью Петр Лукич признался: «А роман и для меня неожиданный. Здесь все довольно прозаично и просто. Издательство «Армада» предложило мне пополнить серию «Русская история в романах»... Мне предложили на выбор Ленина или Брежнева. Поначалу я отказался. Но в стране столь стремительно разворачивались события, что, посоветовавшись со знакомыми мне людьми из окружения Брежнева, Андропова, начал думать. Общаться с номенклатурой высшего звания мне доводилось и раньше. Тема эта поднималась и в «Горьких травах», и в трилогии, и в «Седьмой страже». И чтобы понять происходящее сегодня, нужно было взглядеться, как мы пришли к пределу. Как? Почему? Какая сила разложила огромное государство? Империю, еще молодую, не выработавшую свой исторический и духовный ресурс.

По сути дела, я написал бы роман об эпохе Сталина или Ленина. И там был огромный слом цивилизации (Октябрьская революция). Но нынешний слом происходил на моих глазах,

глазах зрелого человека. Это время правления Горбачева, Ельцина, если это можно назвать правлением. И дело в том еще, что все мои романы были связаны с проблемой народа и власти. Вот я и взялся исследовать. А что уж получилось? Я выполнял какой-то свой внутренний заказ. Как мог...»

Петр Проскурин смог, потому что им руководило стремление постичь истину, смысл, доступный русским классическим провидцам, философам-патриотам. Тем, кто нес под честным сердцем тяжкий русский вздох, не дающий им покоя.

Не можем удержаться от цитирования пространного, но символического начала романа, которое напоминает строки из «Порога любви»: «Тихий светлый ключ, выбиваясь на поверхность, чуть шевелил чистый песок. Присмотревшись, можно было увидеть живоносно-затейливые струйки песка на дне небольшой колдобинки – здесь, из болот и мореновых взлобков брала начало Волга, песенная колыбель многих племен и народов Земли, их поилица и кормилица, баюкавшая и растившая на своих берегах сотни поколений русичей, с материнской любовью пестовавшая их удаль и волю, стремительный и широкий, раздольный характер, не раз затем сказывавшийся губительной уступчивостью, а то и откровенной слабостью и вновь перераставший в неудержимую тягу к вольным пространствам, к неизведанным далям и берегам дальних океанов.

Именно здесь, в глухом болотистом месте, по-детски прозрачный ключик являл собой вечную силу земли – здесь таилась сама душа Волги, и зримо являлась она в строго означенные сроки, перед самыми трагическими свершениями. И всегда в одном образе – в светлом лике ребенка, возникавшем в самом родничке, и в небе под ним в предвестии земных потрясений и смещений, когда предстояли разломы самой жизни»⁶.

Русские странники и печальники из рода в род были свидетелями пророческих явлений окровавленного лика ребенка над ключевым истоком Волги.

Столь мифологическое, пожалуй, мистическое начало настораживает, завораживает, заставляет размышлять. О чем идет речь в столь «неожиданном» для самого автора романе? Петр Лукич поясняет, что из рода в род передается весть о пророческом явлении окровавленного лика ребенка над ключевым истоком Волги двенадцать раз подряд перед роковым днем сыноубийства царем Иваном. Что окровавленный лик ребенка «явлен был истоком Волги небесам и миру и в канун, по сути дела, убийства и Петром Великим тоже прямого своего наследника, первенца». Читаем дальше: «Свидетельствуют, что были подобные небесные явления и потом, перед семнадцатым годом и приходом в Русскую землю, люто ненавидимую им еще в чреве матери, антихриста Ленина, как окрестили его странники; было нечто похожее и в тридцать седьмом году, и вначале сорок первого, и в канун пятьдесят третьего, но ни на одно мгновение не прекращали круговорот вещей, – воды со всего бескрайнего пространства России по капельке, по ручейку стремились к Волге, они несли с собой в жаркое Каспийское море, оплодотворяя его лоно и берега, мощь и щедрость российской земли, ее кровь и пот, ее соки и бессмертие. Жизнь всегда рождала жизнь – таковы законы творящего Космоса».

Исток Волги, по мысли писателя – это сущность великой России, которую подрастеряли, если почти не потеряли временщики у трона некогда великой страны, «сплоченной навеки великой Русью».

Тон повествования с самого начала эпичен. Здесь очень важна и символична схватка облитого сиянием зари матерого лося, который гордо закинул тяжелую голову и шевелил чуткими большими ноздрями («Отец Арсений замер – зверь, звавший и жаждавший

⁶ Проскурин П. Число зверя. М., 1999. С. 9. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц в скобках.

соперника, был похож на на гранитное изваяние») и еще одного созданного природой первоклассного бойца – быка-четырёхлетка, яростно-нетерпеливого, в красном мареве жажды битвы, любви и продолжения рода.

«Он уже увидел своего соперника, вдвое старше себя, в самом расцвете сил и в самой уверенности в своем праве сражаться, победить и остаться хозяином в этом лесу; молодому, более слабому зверю природой еще давалось время оценить соперника и беззвучно исчезнуть».

Выдержав неожиданный бросок соперника, «матерый бык, в свою очередь приходя в безрассудную ярость, обрушил на своего неопытного и горячего соперника град ударов рогами и копытами, смял его и обратил в бегство». Собственно, эта глава призвана уравновесить фантастику и реализм. А вообще весь роман построен на антитезе «охотник – зверь». Андропов – охотник, Брежнев – добыча.

Таковы истоки, дающие жизнь бурной и извилистой сюжетной «реке» сложного, многогранного философского романа П. Проскурина. Конечно же, «фарватер» ее связан с разрешением проблем, сформулированных самим автором: «Главной моей целью было проследить через три образа руководителей страны, как сложилась судьба русского народа в XX веке». Но «река» эта вбирает в себя многочисленные и широкие «притоки», пролегающие по другим, пусть даже и побочным, но очень важным линиям. В каждой из них несколько кульминационных точек.

П. Проскурин, стремясь всесторонне подготовить тот или иной сюжетный поворот, ту или иную коллизию своего романа, почти для каждой сцены для любого эпизода строит систему таких мотивировок. Этот прием в каждом конкретном случае позволяет ему объяснить ход всего повествования и обеспечивает целостность и связь всех элементов сюжета.

Роман «Число зверя» подводит итог всем предыдущим романам Проскурина: та же тема – тема нашей русской жизни, та же боль автора, тот же безутешный вопрос: почему и зачем разрушен великий национальный мир огромного и знаменитого народа на земле?..

И тот же неудержимый и беспощадный проскуринский ум: я знаю, кто вы, я вижу ваши преступления, я вам говорю о них громко и независимо!

Роман «Число зверя» незыблем: весь материал героев, их дела и судьбы, все содержание книги – из уст, страданий и памяти народной. Народ не хуже литераторов понимал хроническое искажение программ и свершений, продажность и оторванность лидеров от истины и подлинности государственных необходимостей и забот.

Петр Проскурин, оглядываясь на пройденный путь, как бы вместе с нами, с народом, родным и ограбленным, униженным и оскорбленным, сквозь надвинувшуюся на нас дрему национального горя ведет рассказ и показ: вот они, «измучившиеся» в кабинетах Кремля и на трибунах Мавзолея ленинцы, один захапистее другого.

Главные герои в «Числе зверя» – правители империи, клонящейся к катастрофе. Брежнев, Андропов, Суслов и другие выступают на освещенную сцену из смутной мглы, которая окутывает их по сию пору. Это взгляд русского человека на советский период истории России. Тон повествования эпичен, романист видит перед собой руководителей реальной сверхдержавы со всеми их страстями и пороками.

На страницах романа разворачивается подспудная борьба созидательно-государственного и разрушительного начал в политической элите СССР. Писатель рискованно заглядывает за кулисы, туда, где кроме официальной, общеизвестной иерархии, существующей более всего для отвода глаз у народа, была еще и другая, подлинная иерархия, включающая свои особые градации и ранги, свои негласные установления...

В центре романа важная фигура нового российского вождя, который оказался на занимаемой должности волею случая, а еще больше – стараниями тайных, а на самом деле действительных управленцев России. Например, Михаила Андреевича Суслова, который при действующем генсеке был «серым кардиналом», как его «шепотом величали даже ближайшие и самые доверенные сотрудники в туалетах и под одеялом у жен и любовниц» (28). Именно его руками был возведен на должность главы государства «лапотный политик» Никита Сергеевич Хрущев. Но вышел промах – протеже не оправдал надежд своего кукловода. И теперь стране необходим был иной герой: «на данный момент главное заключалось именно в безошибочном подборе центральной фигуры, которая устроила бы большую часть верхушки, в умении с самого начала безошибочно распределить противоборствующие силы и поставить центральную фигуру в постоянную от них зависимость, – именно она никогда не должна была получить возможность абсолютной свободы» (32). Над личностью этой фигуры и думал всевластный Михаил Андреевич в тишине московской ночи. «Оставаясь где-то далеко в стороне, невидимым для других, он творил сейчас свой, особый мир, и краски в создаваемой им картине ложились густо и расчетливо, группы и фигуры располагались уверенно и прочно, уравнивая и изолируя друг друга, – искусство тайной власти именно и заключалось в незыблемом равновесии, нити от которого должны сходить в одной тайной руке, в одном силовом центре» (31). Но не только это заботило Суслова, вместе с определением центральной фигуры необходимо было наметить и определить его тайного двойника, его неразлучную тень человека безжалостно расчетливого, способного ждать своего звездного часа годами и даже десятилетиями, «неутомимого охотника, дыхание которого зверь чувствовал бы за собой неотступно» (33). На роль зверя им был выбран Леонид Ильич Брежнев, а роль охотника занял сам Андропов.

Проскурин рисует образ Брежнева. Очередной генсек совмещал в себе как бы две разные личности, взаимно исключающие друг друга. В одном качестве он был четкий, высшего ранга чиновник, безукоризненно выполняющий свои высокие обязанности, в другом же, в свободное от работы время, превращался в простого смертного, «обуреваемого не только неудержимой страстью охотника, любовью к быстрой езде даже и после рюмки-другой. А то и вообще мог на денек-другой исчезнуть, и тогда о его месте пребывания знали лишь самые доверенные из помощников» (68). Но несмотря на такую двуликость главного персонажа, за ним чувствовались мощь и размах вломившихся в мир перемен.

Образ генсека сравнивается с образом предыдущего руководителя страны. По мнению Проскурина, Брежнев отличался от своего самонадеянного предшественника тем, что никогда не отделял своих действий от общего движения народа, и хотя он «всегда осознавал, что последнее движение, от которого Земля обратится в хаос, будет зависеть и от него, от его воли, он в то же время понимал, что это роковое движение будет крайней волей самого народа, и что он, если это случится, выполнит свой долг без малейшего сомнения и колебания. И поэтому все другие досадные мелочи – и семейные, и бытовые, да и все прочие многожды компенсировались главным – служением большой народной идее, заключавшейся в движении ко всеобщему счастью и равенству» (268).

В отличие от Хрущева, Брежнев любил армию и военных, что немало способствовало укреплению оборонной мощи страны, «сильно подорванной было бездарными амбициями Хрущева, возмнившего себя бог весть каким реформатором и стратегом и чуть было не угробившего страну» (269).

Как глава государства и партии он пытался более конкретно определить свое место в общем процессе жизни, наметить четкие границы своей деятельности, с тем чтобы никогда их не переступать. Брежнев отлично понимал, что один человек, даже самый работоспособный,

не в силах «охватить и контролировать несметность событий, людей, движений самых разнородных сил, переплетающихся в хаотическом множестве не только в мире, но и в любом отдельном государстве и вызывающих тем самым новые непредвиденные сложности и проблемы». Он осознавал, что руководить всем и вся одному было нельзя, а можно было лишь делать вид, что ты являешься неким центром, вызывающим своей волей действия и движения вокруг себя в государстве. Смысл верховного руководства и его успех был в том, чтобы не отставать от самого процесса жизни и не пытаться влиять на него. Он сам знал, что вся его жизнь и деятельность настоящего ленинца являет нравственный и патриотический пример и подвиг. «Право высшей власти, – считал Брежнев, – есть особое право, и только враги советской власти и партии могут говорить о какой-то там безнравственности верхов и их порочности и вредности для жизни» (343).

Политическая тема является центральной. Тема власти присутствует во всех произведениях Проскурина. Достаточно вспомнить романы «Горькие травы», «Судьба», «Имя твое». Она сводится к трем важным компонентам: народ, власть и человек, пришедший на ее вершины. По мнению Проскурина, Брежнев, как и многие другие правители, не сумел уйти вовремя. Не подготовил себе смены и, самое главное, не подготовился к этому внутренне. Проблема современного устройства России кроется в отсутствии преемственности в державной политике. Правители не думают о смерти как о чем-то неизбежном, в то время как мысли о вечности делают человека лучше и мудрее.

Что касается вопроса преемственности, то три ключевые фигуры советского периода истории России, занимавшие высокие посты в государстве до Брежнева, – Ленин, Сталин и Хрущев – по-разному оцениваются Проскуриным. Характеристика, данная им разным героям романа, позволяет судить об отношении автора к этим историческим лицам.

Так, например, мысли Суслова о Ленине тождественны взглядам автора. Он считает его гениальным революционером и разрушителем старого мира, величайшим циником, лицемером и демагогом. Ленин, по мнению Суслова, «не знал русской жизни, ненавидел Россию и русских еще похлеще Троцкого, а вот сколько лет продолжает оставаться защитником, радетелем и освободителем народа, русского крестьянина» (65).

Подобные же мысли высказывает о своем предшественнике и Сталин: «Он [Ленин] считал себя всеведущим, хотя никогда им не был. Если он начинал сомневаться, сразу же впадал в крайность, мог даже заявить, что мы проиграли революцию» (341). Сталин полагал, что ошибки Ленина слишком огромны, чтобы считать его святым. «Революционной беспощадности мы все учились именно у него. Кто же знал, что мы имеем дело с маниакальной идеей собственного величия? А ведь потом было уже поздно, разрушительные идеи, зарождаясь, проходят определенный круг развития, вокруг их вдохновителей собирается огромное число ненависти, грязи, подлости – я сам не сразу понял истину, что победить зло можно только злом». Ленин для писателя тот злой гений, с приходом к власти которого начинается духовный упадок и обнищание России.

Пришедший на смену вождю революции «грузинский полуграмотный семинарист», по словам все того же Суслова, «привнес в систему высших властных норм и взглядов особую восточную мудрость – необходимость методического выравнивания людской нивы путем усекновения побегов, переросших общий, узаконенный господствующей на данный момент идеологией уровень». И стал он выполнять эту специфическую работу чужими руками, как правило – руками своих потенциальных соперников. Сталин, умело направляя и регулируя круговые властные движения, придавал им необратимый характер стихийности, но, в отличие от своего предшественника, «заложил в основу пиршества жизни идею собирания и укрепления империи, преданной и разрушенной его бесноватым учителем, вознамерившимся

с кучкой безродных бродяг и политических проходимцев, тоже ненавидящих Россию с патологической лютостью, обрести собственное бессмертие» (65). Сам же он так оценивал свою политику: «Я всего лишь продолжил начатое, я не мог иначе, должен был дать исход возникшему движению, погасить ненужную инерцию старого, и дело здесь не во мне, а в самой природе человека, в самой природе революции – сам я долгое время вынужден был оставаться только слепым исполнителем» (335).

Сталин один из немногих видел цель, знал путь к ее достижению и умел получить средства, позволяющие преодолеть заветный рубеж. Этот так и не разгаданный никем человек не знал иных страстей и устремлений, кроме движения к вечному идеалу равенства, братства и свободы. Именно Сталин тогда был нужен народу и делал объективно полезное дело. Зло многомерно так же, как и добро, и не его вина, что приходится идти по жизни по колено в грязи и крови. Особенно таким, как Сталин, давшим народу веру, цель, равенство в ее достижении. Но по высшему закону Космоса еще ни один разрушитель не смог удержать в своих руках ход событий – такова природа самой жизни, как утверждает Брежнев. И его, и Андропова роднило одно: и первый, и второй твердо и бесповоротно верили, что власть – прежде всего они сами, их воля. «Их разум, их особая, по сравнению с безликим сонмом других, природа и гениальность». И оба жестоко заплатились за свою нелепую самонадеянность, нравственное уродство и слепоту, «оба были остановлены и уничтожены в самом расцвете своих маниакально-глобальных устремлений – смерть ведь всегда останавливает разрушение и является целительницей жизни и созидания. И все, что было возведено ими на лжи и самоослеплении, было тут же уничтожено, оплевано и забыто» (66).

Немало способствовал этому новый «лапотный политик» Никита Сергеевич Хрущев. Возведенный на пост генсека не без помощи Суслова, он сразу принялся все громить: армию, сельское хозяйство, церковь. Не оправдал возложенных на него надежд. «Сразу из него хохлацкая дурь и полезла, дурак дураком, и это мое, и это тоже мое, и это я съем, да и вон до того доберусь, а если не осилю, то хотя бы надкушу, чтобы другим не досталось» (29). Отношение Проскурина к этому политическому деятелю резко отрицательное. Именно в период его руководства страной начинается регресс в развитии такого мощного и сильного государства, как Советский Союз, что особенно неприятно писателю как истинному патриоту своей страны.

Приход Брежнева был закономерен и подготовлен, на него делали ставку Суслов и Андропов. Последний и стал для генсека вечной тенью, дыхание которой Брежнев всегда ощущал за своей спиной. Андропов ждал только одного – смерти своего соратника по партии. И когда этот момент настал, долгожданный час пробил, он разрешил себе ощутить наслаждение свободой и свершением своей самой заветной мечты. Но он слишком долго готовился, и «сейчас не было даже чувства завершения, словно открылся зияющий черный обрыв, и в него было трудно заглянуть. И нарастающая вспышка ненависти к этому слепому, безглазому, с необъятным, беспорядочно колышущимся телом чудовищу по имени русский народ, который, по всему чувствовалось, после очередной многолетней спячки опять начинал пробуждаться и даже прозревать» (386).

«Новый глава страны, давно уже ею фактически безраздельно управляющий, тотчас, не дожидаясь похорон, запустил цепную реакцию смещений, перестановок, перемен не только в ближайшем окружении своего предшественника, долгожителя и верховного партийного жреца, но одновременно и своей жертвы, в тело которой ему удалось незаметно и глубоко внедриться и произвести в нем необратимые, тотальные разрушения, – со свойственной людям его природы решительностью и неоглядностью. Андропов тотчас приступил к реализации своих давно вынашиваемых планов» (368).

Всегда невозмутимый и непонятный, он явился новым вестником грядущих катастроф и перемен. Этот человек принадлежал к мировому закулисию, в отличие от Брежнева, он подготовил свою службу к переменам, готовился к смерти и заранее расставил все силы, которые действуют до сих пор. Андропов выбрал Горбачева, выдвинул его наверх. Горбачев предстает перед читателями как «ставрополец Миша-комбайнер со свисающим на лоб пятном». «И сразу было видно, что сей мудрец не прошел и начальной стадии – жестокой и беспощадной стадии отбора в партийных верхах, той негласной и безошибочной школы, в которой отсеивается осуществляется безукоризненно и безопасно для всех вместе и для каждого добравшегося до этого верха в отдельности» (358). Последнее звено в этой цепи преемственности также не вызывает доверия ни у автора, ни у героев произведения.

Результат властных отношений отражается прежде всего на народе, поэтому он занимает особое место в романе Проскурина. Народная тема – самая больная для автора, который считает себя русским патриотом и верит в то, что у народа могут пробудиться какие-то дремлющие в глубине подсознания силы русского духа. Отношение к народу представлено под разными углами зрения. О народе говорят везде и все: генсеки, актрисы, певицы, ученые, воры и даже пророки.

Так, представительница творческой интеллигенции и новая пассия Брежнева Ксения Дубовицкая рассуждает о русской трагедии и русском народе: «Это же единственный в мире народ, лишенный права на выражение национального самосознания, и упорно, намеренно разрушаемый... А во имя чего? Ради химеры интернационализма? Чем же так провинился русский народ, русский человек? За что его прямо-таки на дух не переносят? Вроде бы и статью, и умом не хуже других чем же он такое заслужил?» (173) Но для Брежнева русский вопрос – дикость. Советский народ, советский человек – вот к чему он стремится. Великодержавные русские инстинкты нужно подавлять любыми средствами и методами. «Русские, русские, – говорит он, – кто виноват, сами себя поставили в дурацкое положение. Отхватили такой кус – два континента, и не только проглотить – разжевать не могут» (176).

Совсем другого мнения придерживается академик Игнатов, а вместе с ним, надо полагать, и Проскурин. Игнатов считает себя русским патриотом, он ревнитель и почитатель прошлого своего народа. Боль за народ звучит в его словах: «Русские привыкли молчать, говорят и требуют все, кто угодно, и особенно расплодивший за последнее время человек особо вызывающей окраски – совершенно безнациональный, космополитический, претендующий на безусловное верховенство в мире, русский же молчит, молча работает, молча умирает...» (41) А ведь именно русский народ, русское самосознание – та основа, которую надо поддерживать и укреплять на государственном уровне. Потому что это стержень, «несущая конструкция», на которой держалось все в стране. Идеология коммунизма чужда русскому народу, так как основана прежде всего на подавлении и вечном духовном рабстве, на вольном или невольном геноциде русской нации. Русский вопрос когда-нибудь встанет во весь рост, и уже нельзя будет от него отмахнуться. Об этом говорит и сам П. Л. Проскурин в интервью журналу «Слово»: «Как, только они лишили русский народ чувства самосохранения, чувства опасности – все рассыпалось... Душу народа разложила, усыпила идеология «уравниловки», насаждаемая намеренно»⁷.

Но Сталин, при правлении которого геноцид русской нации принял особые масштабы, так оправдывает свою политику: «Народ – тот же дикий лес, время от времени его необходимо прореживать, подвергать санитарным рубкам, иначе он сам себя заглушит и заглохнет. И сам

⁷ Интервью с Петром Проскуриным // Слово. 1999. № 4. С. 50.

народ это отлично понимал и понимает и где-то, потаенной стороной своего дремучего сознания, ценит и благодарит» (326).

Русский народ – это большая тайна, никем не познанная. Его не познали ни вожди, ни фюреры, ни генсеки. Но они многое сделали для гибели народа. Россия у порога великой скорби. «Мир содрогнется от крови и ужаса, – предсказывает странник и пророк отец Арсений. – Россия будет погружена надолго во тьму, но именно там будет храниться и вызревать зерно» (299). Система извечных народных национальных ценностей вечна и обязательно сработает сама, «наступают моменты, когда сильная личность ей больше не нужна и даже вредна, опасна». На последнем витке проснется в народе самозащитная реакция, возродится русский национальный гений, и народ будет спасен, а следовательно, и вся страна.

Самый большой порок Проскурин видит не просто в людях, облеченных властью, но во власти как таковой. Она губит любого человека, даже самого опытного политика, развращает его. На пути к достижению власти сметаются все препятствия. В схватке за власть не бывает ни близких, ни родных. «Сила власти непреодолима, от власти может отказаться только психически больной, тот же юродивый». А пока маловеры блуждают во тьме, пришло царство зверя. И каждую полночь «над Кремлем загорается его клеймо, его знак – число зверя» (298).

Исследует писатель и весьма интригующую связь криминального подполья с верхними номенклатурными этажами и спецслужбами – инструмент перераспределения сворованной собственности и политических убийств. Воровское подполье есть везде и всегда, в каждом государстве, в каждом городе. Бывают случаи, когда люди талантливые, которые не могут по каким-либо причинам достигнуть вершин в законном мире, уходят в обратную сторону. Таким и изображен в романе колоритнейший, весьма симпатичный Сергей Романович Горелов, потомок древнего аристократического рода, с образованием, уводящий у генсека любовницу. Он же – крупный криминальный авторитет, московский вор. Человек из народа, не нашедший пока своего пути в жизни, в конце романа он уверовал, стал на путь странника и в этом качестве вернулся в народ. Для Проскурина это положительный герой, не лишенный души и внутреннего содержания. Именно поэтому отец Арсений избирает Сергея Романовича для посвящения в тайны бытия. «Обрети Россию прежде всего в самом себе, человек. Если не ты сам, то кто же?»

Можно с полной уверенностью утверждать, что Петр Проскурин первый приступил к переосмыслению новой эпохи в такой сложной и вечной сфере, как народ и власть. Важно подчеркнуть, что смотрит он на эту проблему не как судья или равнодушный наблюдатель, а как мудрый человек и талантливейший писатель, для которого главное – истина. Как отметил Ю. Бондарев, «по величине своего дарования, таланта Проскурин относится к тем художникам, которые много знают о жизни – быть может, почти все... А роман «Число зверя» – это самый настоящий мировой шедевр. Для того чтобы проникнуть в психологию столь разных людей общества, надобно иметь не только талант, но еще нечто высшее. И все это потому, что правду и истину он искал в себе... и находил ее»⁸.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ П. ПРОСКУРИНА «ЧИСЛО ЗВЕРЯ»

Рассуждая об особенностях писательского мастерства, М. Е. Салтыков-Щедрин отмечал, что человек, берущийся за перо, отдает себя на суд огромного количества людей,

⁸ Вешние воды. 2002. №58 (февраль). С. 12.

потому что все написанное прежде всего отражает личность создателя, его духовный, нравственный уровень. Поэтому проблема автора, авторской позиции и ее воплощения в творчестве писателя – одна из центральных проблем современной русской литературы, особенно когда речь идет о произведениях писателя с ярко выраженной гражданской позицией, таких, как В. Распутин, В. Астафьев, В. Крупин, П. Проскурин и др. Прежде чем приступить к разговору о способах выражения авторской позиции, необходимо разграничить такие понятия, как личность писателя, образ автора, авторская позиция, герой-повествователь. Мы исходим из того, что личность писателя проявляется в авторской позиции; образ автора может быть непосредственно представлен в произведении, когда повествование идет от первого лица (и именно автора, а не персонажа), а может быть и выведен за пределы сюжета, и тогда его позиция проявляется через комментарии, замечания; а повествователь – это персонаж, с помощью которого писатель может выражать свои мысли опосредованно. Если автор непосредственно не представлен в произведении, то его образ складывается в восприятии читателя. И, наконец, если использовать классическое определение В. В. Виноградова: «образ автора – это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимозависимость всех его элементов»⁹, то надо говорить о языковой личности писателя.

Роман П. Проскурина «Число зверя» явился своеобразным результатом желания писателя выразить свое отношение к ситуации, сложившейся в стране в 1990-е годы. На зловещие приметы приближающегося крушения СССР автор пытался указать еще в романе «Отречение». В «Числе зверя» пророческий голос П. Проскурина звучит с новой силой.

Позиция автора проявляется прежде всего в выборе темы, в отборе фактов и их расположении. Правда, когда мы читаем произведение, мы об этом не думаем. Но то, что автор говорит нам, строя произведение определенным образом, развертывая действие именно так, а не иначе, откладывается в нашем сознании. И когда мы устанавливаем, насколько реплики героя непосредственно выражают авторскую позицию, мы исходим из того знания об авторе, которое дает нам повествовательный текст и построение произведения.

На протяжении всей жизни писателя волновала одна тема: народ и власть. Природу этого двуединства и рассматривает Проскурин в своем романе, обратившись к годам правления Л. И. Брежнева. Роман Проскурина – итоговое продолжение всех его предыдущих романов: та же тема нашей русской жизни, та же боль автора, тот же вопрос: почему и зачем разрушен великий национальный мир огромного народа? И этот вопрос не остается риторическим. Изображая «правителей» России, писатель как бы говорит: я знаю, кто вы, я вижу ваши преступления, я говорю вам о них громко и независимо! Роман «Число зверя» – характеры героев, их дела и судьбы, все содержание книги – из уст, страданий и памяти народной. Народ не хуже литераторов понимал трагическое для общества искажение программ, продажность и оторванность лидеров от истины и подлинных государственных потребностей и забот.

Петр Проскурин, оглядываясь на пройденный путь, как бы вместе с родным ограбленным народом, униженным и оскорбленным, сквозь надвинувшуюся на нас дрему национального горя ведет рассказ и показ: вот они – «измучившиеся» в кабинетах Кремля и на трибуне Мавзолея ленинцы, один «захапистее» другого.

Для выявления авторской позиции важно и то, какие герои показаны в произведении и как писатель оценивает их поступки. Главные герои – это правители империи, клонящейся к катастрофе. Брежнев, Андропов, Суслов и другие выступают на освещенную сцену из смутной

⁹ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 151-152

мглы, которая окутывает их и по сей день. Взгляд Проскурина – это взгляд русского человека на советский период истории России. Тон повествования эпичен, романист видит перед собой руководителей реальной сверхдержавы со всеми их страстями и пороками.

На страницах романа разворачивается подспудная борьба созидательно-государственного и разрушительного начал в политической элите СССР. Писатель рискованно заглядывает за кулисы туда, где кроме официальной, общеизвестной иерархии, существовавшей более всего для отвода глаз народа, была еще и другая, подлинная иерархия со своими особыми градациями, рангами и негласными установлениями...

В центре романа важная фигура нового советского вождя, который оказался на этой должности волею случая, а еще больше – стараниями тайных, а на самом деле действительных правителей России. Например, Михаила Андреевича Суслова, который при действующем генсеке был «серым кардиналом», как его «шепотом величали даже ближайшие и самые доверенные сотрудники в туалетах и под одеялами у своих жен и любовниц»¹⁰.

Именно его руками был возведен на должность главы государства «лапотный политик» Никита Сергеевич Хрущев. Но протеже не оправдал надежд своего кукловода. И теперь стране необходим был иной герой: «на данный момент главное заключалось именно в безошибочном подборе центральной фигуры, которая устроила бы большую часть верхушки, в умении с самого начала безошибочно распределить противоборствующие силы и поставить центральную фигуру в постоянную от них зависимость, – именно она никогда не должна была получить возможность абсолютной свободы» (32). О личности этой фигуры и думал всевластный Михаил Андреевич в тишине московской ночи. «Оставаясь где-то далеко в стороне, невидимым для других, он творил сейчас свой, особый мир, и краски в создаваемой им картине ложились густо и расчетливо, группы и фигуры располагались уверенно и прочно, уравновешивая и изолируя друг друга, – искусство тайной власти именно и заключалось в незыблемом равновесии, нити от которого должны сходиться в одной тайной руке, в одном силовом центре» (31). Но не только это заботило Суслова, вместе с определением центральной фигуры необходимо было наметить и определить его тайного двойника, его неразлучную тень, человека безжалостно расчетливого, способного ждать своего звездного часа годами и даже десятилетиями, «неутомимого охотника, дыхание которого зверь чувствовал бы за собой неотступно» (32). На роль зверя им был выбран Леонид Ильич Брежнев, а роль охотника занял Андропов.

Проскурин рисует образ Брежнева. Очередной генсек совмещал в себе как бы две разные личности, взаимно исключаящие друг друга. В одном качестве он был четкий чиновник высшего ранга, безукоризненно выполняющий свои обязанности, в другом же, в свободное от работы время, превращался в простого смертного, «обуреваемого не только неудержимой страстью охотника, любовью к быстрой езде даже и после рюмки одной-другой. А то и вообще мог на денек-другой исчезнуть, и тогда о месте его пребывания знали лишь самые доверенные из помощников» (68). Но, несмотря на такую двуликость главного персонажа, за ним чувствовались мощь и размах вломившихся в мир перемен.

По мнению Проскурина, Брежнев отличался от своего самонадеянного предшественника тем, что никогда не отделял своих действий от общего движения народа, и, хотя он «всегда осознавал, что последнее движение, от которого земля обратится в хаос, будет зависеть и от него, от его воли, он в то же время понимал, что это роковое движение будет крайней волей самого народа и что он, если это случится, выполнит свой долг без малейшего сомнения и колебания. И поэтому все другие досадные мелочи, и семейные, и бытовые, да и

¹⁰ Проскурин П. Число зверя. М., 1999. С.28. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц в скобках.

все прочие многожды компенсировались главным – служением большой народной идее, заключавшейся в движении ко всеобщему счастью и равенству» (268).

В отличие от Хрущева, Брежнев любил армию и военных, что немало способствовало укреплению оборонной мощи страны, как пишет П. Проскурин в «Числе зверя», «сильно подорванной было бездарными амбициями Хрущева, возомнившего себя бог весть каким реформатором и стратегом и чуть было не угробившем страну» (268).

Как глава государства и партии он пытался четко определить свое место в общем процессе жизни, наметить границы своей деятельности, с тем чтобы никогда их не переступать. Брежнев отлично понимал, что один человек, даже самый работоспособный, не в силах «охватить и контролировать несметность событий, людей, движений самых разнородных сил, переплетающихся в хаотическом множестве не только в мире, но и в любом отдельном государстве, и вызывающих тем самым новые непредвиденные сложности и проблемы» (268). Он осознавал, что руководить всем и вся одному было нельзя, а можно было лишь делать вид, что ты являешься неким центром, вызывающим своей волей действия и движения вокруг себя и в государстве. Смысл верховного руководства и его успех были в том, чтобы не отставать от самого процесса жизни и не пытаться влиять на него. Он знал, что вся его жизнь и деятельность «настоящего ленинца» являет нравственный и патриотический пример и подвиг. «Право высшей власти, – считал Брежнев, – есть особое право, и только враги советской власти и партии могут говорить о какой-то там безнравственности верхов и их порочности и вредности для жизни» (343).

По мнению Проскурина, Брежнев, как и многие другие правители, не сумел уйти вовремя. Не подготовил себе смены, и самое главное – не подготовился к этому внутренне. Проблема современного устройства России кроется в отсутствии преемственности и в державной политике. Правители не думают о смерти как о чем-то неизбежном, в то время как именно мысли о смерти делают человека чище и мудрее.

Авторская позиция выражается и в композиции романа. Переплетая временные пласты, обращаясь от эпохи Брежнева к деятелям предшествующих десятилетий, Проскурин пытается понять, что вознесло Брежнева на «престол». Появление новых героев позволяет не только глубже постичь личность генсека, но и дать собственную оценку многим историческим лицам.

Так, например, мысли Суслова о Ленине тождественны мыслям автора. Он считает его гениальным революционером и разрушителем старого мира, величайшим циником, лицемером и демагогом. Ленин, по мнению Суслова, «не знал русской жизни, ненавидел Россию и русских еще похлеще Троцкого, а вот сколько лет продолжает оставаться защитником, радетелем и освободителем народа, русского крестьянина» (65).

Подобные мысли высказывает о своем предшественнике Сталин: «Он [Ленин] считал себя всеведущим, хотя никогда им не был. Если он начинал сомневаться, сразу же впадал в крайность, мог даже заявить, что мы проиграли революцию» (341).

Пришедший на смену вождю революции «грузинский полуграмотный семинарист», по словам Суслова, «привнес в систему высших властных норм и взглядов особую восточную мудрость – необходимость методического выравнивания людской нивы путем усекновения побегов, переросших общий, узаконенный господствующей на данный момент идеологией уровень» (310). И стал он выполнять эту специфическую работу чужими руками, как правило – руками своих потенциальных соперников. Он, умело направляя и регулируя круговые властные движения, придавал им необратимый характер стихийности, но, в отличие от своего предшественника, «заложил в основу пиршества жизни идею собирания и укрепления империи, преданной и разрушенной его бесноватым учителем» (312). Между тем для Сталина главным были не судьбы отдельных лиц, а давняя мечта жизни – общее движение, глубинное,

ровное, неотвратимое. Оно напоминает ему шествие на Красной площади. Сталин один из немногих видел цель, знал пути ее достижения и сумел получить средства, позволяющие преодолеть заветный рубеж. У него в руках оказалось оружие глобальное – усилия миллионов людей, объединенных одним стремлением, одним порывом, сплоченных в целостный, невиданный доселе организм, не знающий границ, национальных различий, молящийся одному Богу. Этот так и не разгаданный никем человек не знал иных страстей и устремлений, кроме движения к вечному идеалу равенства, братства и свободы. Именно Сталин был нужен народу и делал объективно полезное дело. «Зло многомерно так же, как и добро, и не его вина, что по жизни приходится идти по колено в грязи и крови. Особенно таким, как Сталин, давшим народу веру, цель, равенство в ее достижении» (312). Но в высшем законе Космоса еще ни один разрушитель не смог удержать в своих руках ход событий: такова природа самой жизни – так думает Брежнев. Их [Ленина и Сталина] роднило одно: и первый и второй твердо и бесповоротно уверовали, что власть – прежде всего они сами, их воля: «Их разум, их особая, по сравнению с безликим сонмом других, природа и гениальность. И оба жестоко поплатились за свою нелепую самонадеянность, нравственное уродство и слепоту: оба были остановлены и уничтожены в самом расцвете своих маниакально-глобальных устремлений – смерть ведь всегда останавливает разрушение и является целительницей жизни и созидания» (66). И все, что было возведено ими на лжи и самоослеплении, было тут же уничтожено, оплевано и забыто. Немало способствовал этому новый «лапотный политик» Никита Сергеевич Хрущев. Возведенный на пост генсека не без помощи Суслова, он сразу принялся все громить: армию, сельское хозяйство, церковь. Не оправдал возложенных на него надежд. Отношение Проскурина к этому политическому деятелю резко отрицательное. Именно в его период руководства страной начинается регресс в развитии такого мощного государства, как Советский Союз, что особенно неприятно писателю как истинному патриоту своей страны.

Приход Брежнева был закономерен и подготовлен, на него делали ставку Суслов и Андропов. Последний и стал для генсека вечной тенью, дыхание которой Брежнев всегда ощущал за своей спиной. Андропов ждал только одного – смерти своего соратника по партии. И когда этот момент настал, долгожданный час пробил, он разрешил себе ощутить наслаждение свободой и свершением своей самой заветной мечты. Но он слишком долго готовился, и «сейчас не было даже чувства завершения, словно открылся зияющий черный обрыв, и в него было трудно заглянуть. И нарастающая вспышка ненависти к этому слепому, безглазому, с необъятным, беспорядочно колышущимся телом чудовищу по имени русский народ, который, по всему чувствовалось, после очередной многолетней спячки опять начинал пробуждаться и даже прозревать» (386).

«Новый глава страны, давно уже ею фактически безраздельно управляющий, тотчас, не дожидаясь похорон, запустил цепную реакцию смещений, перестановок, перемен не только в ближайшем окружении своего предшественника, долгожителя и верховного партийного жреца, но одновременно и своей жертвы, в тело которой ему удалось незаметно и глубоко внедриться и произвести в нем необратимые, тотальные разрушения, – со свойственной людям его природы решительностью и неоглядностью. Андропов тотчас приступил к реализации своих давно вынашиваемых планов» (388).

Всегда невозмутимый и непонятный, он явился новым вестником грядущих катастроф и перемен. Этот человек принадлежал к мировому закулисию, в отличие от Брежнева, он подготовил свою службу к переменам, готовился к смерти и заранее расставил все силы, которые действуют до сих пор. Андропов выбрал Горбачева, выдвинул его наверх. Горбачев предстает перед читателями как «ставрополец Миша-комбайнер со свисающим на лоб пятном». «И сразу было видно, что сей мудрец не прошел и начальной стадии – жестокой и

беспощадной стадии отбора в партийных верхах, той негласной и безошибочной школы, в которой отсеб осуществляется безукоризненно и безопасно для всех вместе и для каждого добравшегося до этого верха в отдельности» (358). Последнее звено в этой цепи преемственности также не вызывает доверия ни у автора, ни у героев произведения.

В романе много диалогов и внутренних монологов-размышлений. Поскольку писатель не использует документальный материал, все эти беседы и монологи реконструированы автором, в них с наибольшей яркостью проявляется его позиция, отношение к героям повествования. Например, размышления Суслова относительно центральной фигуры в партии. Это человек, по мнению Михаила Андреевича, должен быть зверем, который всегда чувствует дыхание охотника, безжалостного и расчетливого. Эти размышления как нельзя более глубоко характеризуют самого Суслова. Это опытный игрок, мудрый политик, просчитывающий свою партию на много ходов вперед и манипулирующий людьми, как пешками.

Занимая ярко выраженную гражданскую позицию, в большинстве случаев писатель открыто выражает свое отношение к героям и их поступкам. Вот как Проскурин оценивает Хрущева и его политику: «Сразу из него хохляцкая дурь и полезла, дурак дураком: и это мое, и это тоже мое, и это я съем, да и вон до того доберусь, а если не осилю, то хотя бы надкушу, чтобы другим не досталось» (29).

Результат властных отношений отражается прежде всего на народе, поэтому он занимает особое место в романе Проскурина. Народная тема – самая больная для автора, который считает себя русским патриотом и верит в то, что у народа могут пробудиться какие-то дремлющие в глубине подсознания силы русского духа. Отношение к народу представлено под разными углами зрения. О народе говорят везде и все: генсеки, актрисы, певицы, ученые, воры и даже пророки.

Русский народ – это большая тайна, никем не познанная. Россия у порога великой скорби. «Мир содрогнется от крови и ужаса, предсказывает странник и пророк отец Арсений. – Россия будет погружена надолго во тьму, но именно там будет храниться и вызревать зерно» (299). Система извечных народных национальных ценностей вечна и обязательно сработает сама, «наступают моменты, когда сильная личность ей больше не нужна и даже вредна, опасна» (360). Автор уверен: проснется в народе самозащитная реакция, возродится русский национальный гений, и народ будет спасен, а следовательно, и вся страна.

Авторская позиция находит отражение и в выборе названия произведения. По мнению писателя, в душе человеческой присутствуют и Господь Бог, и Князь Тьмы. Власть губит любого человека, даже самого опытного политика, развращает его. На пути к достижению власти сметаются все препятствия. «Сила власти непреодолима, от власти может отказаться только психически больной, тот же юродивый». А пока маловеры блуждают во тьме, пришло царство зверя. И каждую полночь «над Кремлем загорается его клеймо, его знак – число зверя» (298).

Значение и масштаб замысла Проскурина выступают с особенной яркостью при освещении вопроса сущности власти и ее отношения к народу, ведь народ не только творец истории, но и та сила, которая используется властителями для воплощения в жизнь своих честолюбивых замыслов. Отсюда – разные типы политиков, разные цели, которые они преследуют. У всякого умного, ловкого и дальновидного политика вырабатывается свой стиль отношений с народом, с государством, «во главе которого каждый из них тайно или явно стремится стать, и, наконец, самое, пожалуй, интересное и главное, со своим собственным «я», и не многие, даже из самых проницательных и гениальных, могли отделить свое собственное «я» от угрожающе огромной, бесконтрольной, как правило, власти, которая была дарована им

благодаря не только их собственным усилиям и талантам, собственной борьбе, но в большей мере в силу стечения обстоятельств и движения самой жизни, формула которой была заложена кем-то или чем-то еще изначально» (132).

Тема народа и власти центральная, но не единственная в романе П. Проскурина. Как истинный патриот, писатель с болью в сердце пишет о русской интеллигенции, отделившейся от народных корней и исповедующей идеи разрушения государства и исторически сложившихся национальных устоев.

Исследует писатель и весьма интригующую связь криминального подполья с верхними номенклатурными этажами и спецслужбами.

Хотя основное внимание в романе уделяется эпохе Брежнева, напряжен в «Числе зверя» поиск высшего начала, определяющего ход истории России. Именно поэтому начинается произведение с лирического вступления – размышления писателя о душе России: «Именно здесь, в глухом болотистом месте, по-детски прозрачный ключик являл собой вечную силу земли – здесь таилась сама душа Волги, и зримо являлась она в строго означенные сроки, перед самыми трагическими свершениями. И всегда в одном образе – в светлом лике ребенка, возникавшем в самом родничке, и в небе под ним в предвестии земных потрясений и смещений, когда предстояли разломы самой жизни. Узреть пророческий лик было дано лишь чистым сердцам, странникам русской судьбы и печали, и последний раз такое предвестие случилось перед самой смертью Сталина» (9-10). Так уже в начале произведения писатель определяет тот критерий, по которому он будет оценивать своих героев. Человек, узревший душу Волги (шире – душу России) в лике ребенка, раз и навсегда превращается в радетеля за Русскую землю, за Русскую веру. В награду входит в его душу любовь к Русской земле. Такая ноша не всякому по плечу. Ищущему же откроются двери и тайны небесные. Отец Арсений, бывший ученый, оставивший мир, чтобы стать странником, чтобы найти Бога и смысл жизни, смело берет эту ношу на себя. И ему дано увидеть лик, потому что душа его чиста. Он становится пророком и наделяется особым даром – видеть чужую судьбу. И он видит в себе посланника от Бога русскому народу, его заступника. «Я тоже был подвергнут сомнениям и испытаниям, – говорит он, – выстоял и прозрел, и укрепился душою» (299). Правителям же русской земли уготована другая судьба. Нечестивцы, обошедшие святой ключик стороной, будут прокляты, и «прах их вместе с потомством развеется в беспамятстве и позоре» (25).

Таким образом, в творчестве Проскурина позднего периода сохранена и тематика, и образность языка, что обеспечивает связь с его произведениями предшествующего периода. Заметим, однако, что в романе «Число зверя» Проскурин более философичен, что никак не мешает ему быть искренним и дерзким.

Двойственность воззрений, противоречия эпохи и предчувствие надвигающейся разрухи нашли отклик в романе Проскурина. С одной стороны, писатель приветствует крупные достижения в государственном и социально-культурном строительстве социалистической России, а с другой – в романе звучат приглушенные отголоски монархической идеи как утраченной перспективы развития страны. Приветствуются достижения советской власти во всех сферах общественной жизни, и в то же время декларируется негативное отношение к деятельности Ленина. В основном это проявляется в публицистических пассажах, которые не разрушают ткань произведения и не влияют на общий пафос повествования. Но в этих противоречиях зарождается и другая тенденция, а именно: отрицательная характеристика антинародного ельцинского режима. Между тем действительность, с ее резкими изломами и непредсказуемостью, выдвинула новые социально-психологические критерии, которые требуют от писателя твердых убеждений. Наш

современник хочет услышать правдивый рассказ о происходящих в обществе социально-политических процессах и видеть позицию автора, для которого главное – истина.

ВЕРНЫЙ СЫН РОССИИ

Хмурое небо над Москвой готово разразиться нескончаемым ливнем. Не спешит...

Спешат нескончаемым потоком к Центральному Дому литератора люди самых разных возрастов. Вижу известных всей стране писателей, поэтов, государственных деятелей, студентов, школьников... Венки, цветы.

На сцене Большого зала ЦДЛ в окружении семьи и близких ОН. Тот, с кем пришли проститься, который безвременно отправился из жизни земной в неизведанные дали, дали заоблачные – Великий Писатель, Великий Гражданин земли русской Петр Лукич Проскурин.

С поразительным творческим вдохновением освящал он кладезь своего художнического подвижничества новыми и новыми произведениями, целительными для России, для ее народа травами, порой горькими. Один из романов так и называется – «Горькие травы». В нем древняя старуха по прозвищу Волчиха возвращает к жизни самых обреченных с помощью горьких трав. По народному поверью, только горькие травы целебны. Полагаю, что этот образ стал одним из ключевых в эстетической программе писателя.

Примечательно, что написан роман был в 1964 году «в самый разгар поголовного изничтожения ничего не понимающих и ничего, кроме заслуг перед человеком не имевших, частных коров и частных чушек, благоденствием которых держалось полдержавы, а то и больше. Но что делать бедной безгласной скотине, если защитой у нее были только бабьи слезы?»

Известно, что «Москва слезам не верит»... И первым отважным защитником сеятеля и хранителя, русского крестьянина, России, порушенной войной, а затем бездумными правителями, стал автор, без преувеличения, этапного произведения – романа «Горькие травы», крестьянский сын с Брянщины, Петр Проскурин.

По моему глубокому убеждению, Петр Проскурин – художник одной глобальной этической проблемы – судьба и верность. Именно к ней стягивается всенепременно решение многих жизненных и житейских, философских и нравственных проблем.

В русском языке слово «верный» имеет немало значений: достойный полного доверия, неизменно соответствующий, истинный, неизбежный, неустрашимый... Вся гамма их – в многоцветьи полотен художника. О чем бы ни писал Петр Проскурин, он раз и навсегда верен избранному принципу говорить правду, беззаветно служить истине. Таким **верным** он был и в жизни, и в своих творениях.

«Нет слов обязательных, но есть слова, родившиеся как бы с человеком вместе. Они – неотторжимая часть его существа, его души. Одни из них родились в немыслимо необозримых далях, другие подарила нам уже история нашего народа. Но и те, и другие знаменуют в нас, детях своей земли, своей отчизны суть того светлого, дорогого и возвышенного, того вечного, что определяет в нас степень человеческого, что всегда с нами, как самое надежное и верное окружение, как защита и надежда в пути».

Эти слова, сказанные Петром Лукичом в одной из наших бесед, можно с полным основанием отнести к нему самому, ко всему его творчеству, тесно спаянному с родной Брянщиной, с широко распластавшимися просторами русской равнины. Слова эти вспомнились мне именно в этот день, день прощания.

На сцене ЦДЛ, у гроба с телом Петра Проскурина почти весь секретариат Союза писателей, соратники по перу с Камчатки, из других краев и областей России.

Председатель Союза Валерий Николаевич Ганичев огласил телеграммы соболезнования Лилиане Рустамовне, супруге писателя, детям, внукам от семьи Президента России Владимира Владимировича Путина, главы ФС РФ Егора Семеновича Строева, главы ГД РФ Геннадия Николаевича Селезнева, глав краев и областей Российской Федерации, Администрации и Законодательного собрания Тверской области.

О Петре Лукиче, его творчестве, жизни, прожитой им самоотверженно и страстно, говорят писатели В. Ганичев, Ю. Бондарев, В. Сорокин, А. Ларионов, Г. Попов, С. Викулов, В. Гусев, Ф. Кузнецов, журналист Ю. Буров, светило медицинской науки России Л. Бокерия, до самого конца вместе с женой и детьми писателя боровшийся за жизнь Петра Лукича.

Проникновенным, запомнившимся было Слово выдающегося советского писателя Юрия Васильевича Бондарева: «Петр Проскурин велик. Такой роман, как «Число зверя», мог написать только Проскурин. Это – шедевр века».

Запомнились идущие из глубины души слова губернатора Брянской области Юрия Евгеньевича Лодкина: «В Брянске уже третьи сутки льет дождь. Плачет Брянщина по Великому Сыну своему, Петру Лукичу Проскурину»...

Разрядилось дождем и небо над Москвой. Вдруг... Знамение, свидетелем которого мне довелось быть, видеть своими глазами.

Сразу после гражданской панихиды состоялось отпевание Петра Лукича в храме Большого Вознесения. Как только оно началось, сквозь свинцовые облака пролились лучи солнца, затмив сотни свечей, что держали и служители храма, и провожающие родного и близкого человека.

Завершилось отпевание. Траурный кортеж из нескольких автобусов и легковых автомобилей, обильно поливаемый снова начавшимся дождем, взял курс на Брянск.

Согласно волеизъявлению Петра Лукича, он должен был быть похоронен на Брянщине.

Более полувека тому назад именно отсюда, с брянской земли, пуповины великой России, в далекий и неведомый путь отправился темноволосый деревенский парень...

Петр Проскурин принадлежит к тому поколению россиян, чье детство опалила война. В четырнадцать лет он увидел самое страшное, что бывает на земле нашей грешной. Оккупация, виселицы надругательства, кровь, смерть. Все это называется зловещим словом фашизм. Затем работа в колхозе. От рассвета до заката. И, как это было и есть на Руси нашей, именно от земли сыны ее, сеятели, отправляются ее защищать.

Так вот паренек из поселка Косицы Севского района отправился в свой многотрудный, но, как потом оказалось, **звездный путь**. Уже и самом начале будущего классика отечественной литературы преследовала страждущая мысль выразить свои думы и чувства на бумаге. Потом признавался: «В какие только газеты и журналы не посылал я свои стихи. Всюду вежливый отказ или молчание».

Но вот во Ржеве, на нашей тверской земле, счастье наконец-то улыбнулось ему. Он служил здесь в стройбате корпуса ПВО, написал поэму, и она была опубликована в армейской газете. Вот уж воистину пути Господни неисповедимы. Здесь же, на тверской земле, будут через многие годы в основном написаны все его последние остропублицистические, философского склада произведения: романы «Седьмая стража», «Число зверя», сборники повестей «Аз воздам, Господи», «Огненный ангел», «Мужчины белых ночей», вторая книга повести «Порог любви».

А по окончании службы в рядах Советской Армии путь завел уже повзрослевшего парня с Брянщины на самый краешек земли русской. Под жужжание камчатского комара и мошки, при свете стеариновых свеч начался уже новый путь Проскурина.

Первые сборники рассказов, первые два романа («Глубокие раны», «Корни обнажаются в бурю») родились в крае со сказочной Игрень-рекой. Здесь же сложилась и семья – верная и самоотверженная жена и помощник Лиля и детки Алеша и Катерина (сейчас Алексей Петрович Проскурин – заместитель главного редактора «Экономической газеты», Екатерина Петровна – журналист).

Сложным и тернистым оказался путь Проскурина-писателя. Только такой вот могучий, истинно русский богатырь, рожденный землей брянской, мог достойно идти этим путем. Один за другим выходят его романы: «Горькие травы», «Исход», «Камень сердолик». И – покорение эпических высот – монументальная трилогия («Судьба», «Имя твое», «Отречение»).

Тема русской земли, русского народа оставалась главной во всех произведениях классика отечественной литературы Петра Проскурина.

Своим неудержимым и беспощадным умом он отвечает на вопросы нашей действительности в последних своих произведениях. И, наконец, в романе «Число зверя», все герои которого, их дела и судьбы – из уст, страданий и памяти народной.

Уже много ночей открываю одну за другой его книги, перечитываю простые, земные, мудрые слова дарственных надписей, сделанных дорогим для меня человеком. Вот теперь дольше задерживаюсь на той, что сопровождает роман «Корни обнажаются в бурю»: «Дорогому другу Петру Аркадьевичу – корни обнажаются в бурю, а людские сердца в беде...» Не ждал я такой беды. Петр Лукич был рожден для жизни долгой. А она вот, беда-то, не пришла – свалилась.

И перед лицом этой суровой беды раскрылись сердца земляков.

Много дней бились за жизнь Петра Лукича, предпринимая все возможное и невозможное, его Ангел-хранитель Лилиана Рустамовна, сын Алексей. А рядом с ними были настоящие люди Брянщины. Пожалуй, не было дня такого или ночи, чтобы не позвонил губернатор Брянской области Юрий Евгеньевич Лодкин или его заместитель, милая, сильная женщина Татьяна Александровна Максимкина. Именно они все эти трудные дни помогали и словом, и делом. Это не могло не волновать, хотелось низко поклониться этим людям.

Но самое незабываемое и трогательное до слез было впереди.

Приехали в Брянск около полуночи. Здесь нас, как родных, радушно встретила Татьяна Александровна Максимкина, разместила всю московскую делегацию в лучшей гостинице.

Не до сна было, конечно. Разные мысли и чувства роились в голове и душе. Не хотелось верить в случившееся.

Вот уж поистине – пути Господни неисповедимы. Полвека назад отсюда отправился в свой многотрудный земной путь никому не известный паренек Петя Проскурин. Сюда же вернулся Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственных премий СССР и России, общероссийских премий имени Федора Тютчева, Василия Тредиаковского, Льва Толстого, Михаила Шолохова, академик нескольких академий, Почетный гражданин двух великих русских городов – Орла и Брянска.

Вернулся поседевшим богатырем, истинно русским народным писателем, чтобы отправиться с любимой им Брянщины в дали заоблачные к Престолу Отца небесного.

...И еще вызывал беспокойство непрекращающийся дождь. Сомкнул глаза на часок, забылся. И, о Боже, уже утро, от дождя и следа не осталось. Предстоял сложный день прощания, теперь уже последний и навсегда.

Мы с Алексеем и Катериной, детьми писателя, пошли к драматическому театру, где проходило прощание с Петром Лукичом, пешком. Сразу же по выходу из гостиницы я обратил внимание на бесконечный поток людей с цветами и венками, идущих в одном с нами направлении. Переполнена площадь перед театром, с трудом прошли к дверям. Ровно в десять часов был открыт доступ. И я стал свидетелем невиданного еще мною прощания. Было

впечатление, что вся Брянщина пришла проститься с любимым писателем, **верным сыном** земли своей.

Нескончаемый поток людей, нарушая предполагаемый регламент, двигался более четырех часов.

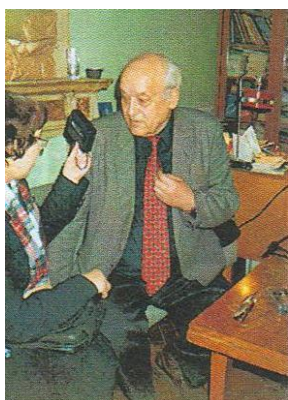
Я видел море венков и цветов. Видел слезы тысяч совсем пожилых людей, людей молодых, детей. Я видел и понимал, что это слезы искренней скорби и любви к великому земляку. Писателю, который неустанно, денно и нощно исполнял свое предназначение.

Не мог без слез наблюдать, как пожилая женщина в стареньком пальто положила скромный букет цветов, подвела маленькую девочку к самому гробу и сквозь рыдания проговорила: «Посмотри, внученька, это наш Проскурин, Петр Лукич».

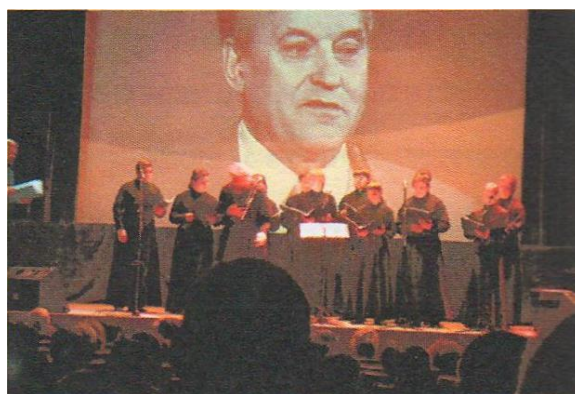
Весь путь от театра до кладбища был устлан цветами. Но главное – на всем этом пути по обе стороны стояли тысячи и тысячи людей, не скрывая печали на лицах и слез на глазах.

Здесь вновь, как в Москве, повторилось чудесное преображение природы – сквозь густые облака проглянули лучи солнца. На траурном митинге выступали писатели и поэты из Брянска, Орла, Москвы, представители общественности, отдавая дань уважения и любви великому сыну земли брянской.

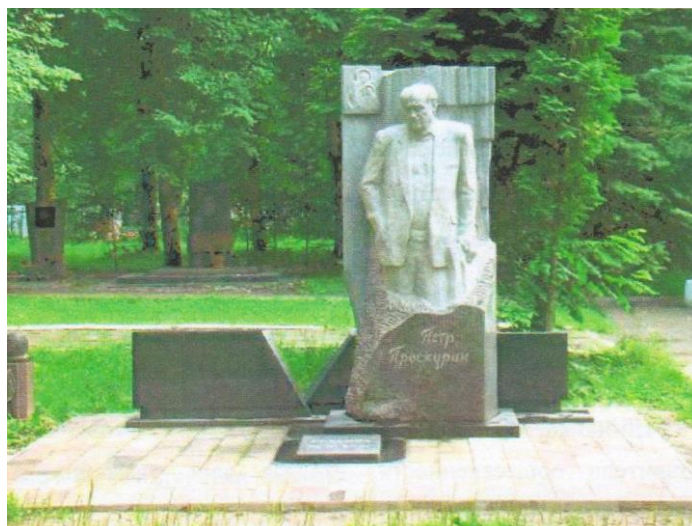
Юрий Евгеньевич Лодкин во время панихиды сказал запоминающиеся слова: «Петр Лукич Проскурин принадлежит не только Брянщине, он принадлежит всей России. Он не только великий писатель брянской земли, он гордость всей нашей России».

Последнее интервью

*Юбилейный вечер памяти Петра Проскурина
в Москве*

Памятник писателю в Брянске

Брянская городская библиотека им. П. Проскурина

Знаменательно, что похоронен Петр Проскурин рядом с братской могилой погибших сынов Брянщины. Возможно, там покоятся и многие из тех, кто стал прообразами его героев в романе «Исход» и других произведениях.

Лежит, уснув вечным сном, в самом сердце русской равнины русский богатырь так горячо любимой им России-матушки Петр Лукич Проскурин.

*Москва – Брянск – Тверь
Октябрь 2001 года*

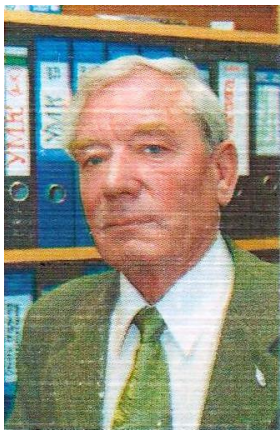
ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Великий писатель земли русской	6
Публицистические аспекты в сборнике прозы Петра Проскурина «Аз воздам, Господи»	10
Урок государственного мышления	13
Порушенное детство	16
Вечные законы обновления	19
Земля и звезды (философско-публицистические аспекты в романе П. Проскурина «Имя твое»)	21
«Народ – это великая тайна» (о романе П. Проскурина «Число зверя»)	32
Способы выражения авторской позиции в романе П. Проскурина «Число зверя»	39
Верный сын России	46

МАЙДАНЮК Петр Аркадьевич

ПЕТР ПРОСКУРИН И ТВЕРСКОЙ КРАЙ

Подписано в печать 19.01.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆
Уел. печ. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 16.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь,
Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

МАЙДАНЮК Петр Аркадьевич,

кандидат филологических наук, доцент, член Союза журналистов России.

В 1970 году окончил факультет русской филологии Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. В 1978 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Романы Петра Проскурина (эволюция творческого метода и жанра)». С 1997 года возглавляет отделение журналистики Тверского государственного университета. С 2002 по 2010 год – зав. кафедрой журналистики. Автор более 150 научных, литературно-критических публицистических статей и материалов в университетских сборниках Твери. Печатался в журналах «Новый мир», «Звезда Востока», «Российский колокол», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и др. Зам. председателя УМО Центральной и Черноземной России по журналистике. Автор учебных пособий: «Современная советская литература», «Жанр романа в творчестве П. Проскурина и В. Шукшина», «Средства художественной экспрессии в детской литературе», «Философско-публицистические аспекты в прозе Петра Проскурина». Курсу лекций для студентов отделений журналистики «История отечественной журналистики XVIII – начала XX в.» присвоен гриф Учебно-методического объединения университетов Центральной и Черноземной России. С 1997 года – редактор ежегодного альманаха «Масс-медиа. Действительность. Литература».